

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Древнекитайский язык (Д.я.) — условное название языка, распространенного на территории, которую в конце II тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. занимал китайский этнос ((華夏 *хуася*), и служившего на этой территории основным средством устного и единственным средством письменного общения.

В качестве синонима к термину «древнекитайский» (совр. кит. 古代漢語 *гудай ханьюй*, англ. *Old Chinese*, устар. *Archaic Chinese*) в повседневной практике иногда используется термин «вэньянь» (кит. 文言 *вэньянь*, букв. 'письменная' или 'культурная речь'), что не вполне правомерно, т. к. термин «вэньянь» в строгом смысле применим лишь к искусственному, письменно-ориентированному языку китайских литературных памятников и официальных документов I-II тыс. н. э. В этом плане он противопоставляется термину 白話 *бай хуа*, букв. 'понятная речь', под которым понимается живой разговорный китайский язык соответствующих периодов.

Что касается Д.я., то вплоть до завершения процесса его естественного эволюционирования в среднекитайскую стадию он в первую очередь был языком живого общения, и со средневековым вэньянем ассоциируется лишь постольку, поскольку до нашего времени дошли только литературно обработанные тексты на Д.я., а не конкретные образцы разговорной речи. Этот факт, а также целый ряд «необычных» структурных и стилистических черт Д.я., лежит в основе довольно часто встречаемой в литературе точки зрения, согласно которой Д.я. едва ли мог служить реальным средством устного общения и, на самом деле, представлял собой особый письменный код, предназначавшийся исключительно для официальных и литературно-эстетических целей. Данная точка зрения, однако, сегодня не поддерживается ни одним синологом, профессионально занимающимся вопросами структуры, происхождения и развития Д.я.

Тексты, написанные на средневековом вэньяне, не всегда можно твердо отличить от аутентичных текстов на Д.я., однако все они, как правило, в языковом аспекте ориентированы лишь на один из периодов развития Д.я. — «классический» язык V-III вв. до н. э.

1.1.2. Д.я. является мертвым языком-предком для всех исторически засвидетельствованных и современных диалектных форм китайского языка, образуя вместе с ними китайскую ветвь (в последнее время широкое распространение получает также термин «синитиче-

ская ветвь») сино-тибетской семьи.

1.1.3. Первоначальный ареал распространения Д.я. — бассейн среднего течения реки Хуанхэ, где на нем в конце II тыс. до н. э. говорило население государства Шан-Инь, а также, по-видимому, какие-то из соседних кочевых племен. В дальнейшем, в связи с экспансией китайской цивилизации в эпоху Чжоу (X-III вв. до н. э.) и Цинь — Западная Хань (III-I вв. до н. э.), ареал распространения Д.я. значительно продвинулся как на запад (вплоть до территории совр. провинций Ганьсу и Сычуань), так и на юг (вплоть до границы с совр. Вьетнамом). Число говоривших на Д.я. оценить трудно (в том числе и потому, что далеко не для всех жителей Древнего Китая он являлся родным), но, учитывая, что население империи Хань, судя по данным переписи 2 г. н. э., составляло примерно 57.6 млн. человек, уместно предполагать, что не менее чем для двух третей от этого количества Д.я. в то время был родным.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Точных данных о диалектном членении Д.я. нет; построение надежной диалектологической картины сильно затрудняется отсутствием однозначной привязанности большинства письменных памятников на Д.я. к какому-л. определенному географическому ареалу, а также иероглифическим характером китайской письменности, не позволяющим напрямую наблюдать различия в фонетике диалектов Д.я.

Косвенные данные свидетельствуют в пользу существования диалектных различий уже на древнейшем этапе развития Д.я. Так, язык династии Ранняя Чжоу (X-VIII вв. до н. э.), известный в основном по эпиграфическим памятникам, имеет ряд существенных лексических и грамматических отличий от языка династии Шан-Инь (XIII-XI вв. до н. э.), которые не могут быть сведены к обычным историческим изменениям и показывают, что раннечжоуский и иньский диалекты (а, возможно, и отдельные языки) оба восходят к единому «прото-китайскому» предку, письменных памятников от которого не сохранилось.

Диалектная картина Д.я. эпохи Восточная Чжоу (VIII-III вв. до н. э.) складывается на основе сопоставительного анализа дошедших до нас памятников эпиграфики и художественной литературы. Смещение нескольких диалектов наглядно отражено в поэтической антологии «Шицзин» (≈ IX-VI вв. до н. э.), в которой сведены вместе образцы придворной поэзии разных областей Древнего Китая; разнородность языка этого памятника объясняется не только хронологическими, но и ареальными причинами.

В классический период развития Д.я. (V-III вв. до н. э.) выделяются две основные группы памятников: *северные*, связанные в первую очередь с древнекитайским царством Лу и конфуцианским направлением в философии/литературе («Лунь юй», «Мэн-цзы»), и *южные*, в

большей степени ассоциирующиеся с царством Чу и даосским направлением («Даодэцзин», «Чжуан-цзы»; поэтическая антология «Чуские строфы»). Внутри этих групп памятников также наблюдаются более мелкие диалектные различия. Совершенно особо стоит диалект исторической летописи «Цзо чжуань», создание которой обычно связывается с историографической традицией царства Лу; согласно анализу Б. Карлгрена, целый ряд уникальных грамматических особенностей этого памятника (напр., параллельное употребление вспомогательных предикатов 于 *wa* и 於 *la*) не позволяет относить его к той же диалектной группе, что и «Лунь юй» и «Мэн-цзы».

Памятники династии Хань в целом обнаруживают бóльшую преемственность по отношению к южным диалектам (что может объясняться южным происхождением основных родов ханьской аристократии), однако серьезная диалектная раздробленность в этот период продолжает сохраняться. Вследствие унификации стандартов литературного языка (даже система рифм, устанавливаемая для ханьской поэзии, в целом отличается очень высокой степенью однородности) основным, если не единственным, источником сведений о диалектах Д.я. на рубеже I тыс. н. э. является словарь «Фанъянь», составленный филологом Ян Сюном (53 до н.э. — 18 н.э.), хотя в нем акцентированы только региональные лексические различия, на основании которых составить диалектную карту Китая того периода затруднительно.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. С момента изобретения китайской иероглифической письменности и на всем протяжении своего дальнейшего существования Д.я. обладал абсолютной монополией на использование в качестве официального и наиболее престижного средства коммуникации на всей территории Китая. Достоверно известно, что коренное население ряда древнекитайских царств — например, Чу или Юэ — говорило на языках, отличных от Д.я. и даже, скорее всего, неродственных последнему (согласно ряду гипотез, это могли быть какие-то древние языки мон-кхмерской или тай-кадайской семей); однако и в этих царствах как административные документы, так и художественная литература создавались и записывались исключительно на Д.я.

Вопрос о соотношении «литературных» форм Д.я. с разговорным языком I тыс. до н. э. остается открытым. Несомненно отсутствие между ними того глубокого разрыва, который намечается между письменно-ориентированным литературным языком высокого стиля и устно-ориентированным языком низкого стиля в среднекитайский период. При этом, однако, уже язык таких памятников, как ритуальные надписи на бронзовых сосудах эпохи Ранняя Чжоу, отличается значительной стилистической изысканностью и сложностью идиома-

тики, свидетельствующей о постепенном складывании особого литературного стиля. Помимо этого, памятники как раннеклассического, так и классического периода характеризуются высокой степенью лаконизма, вряд ли характерного для разговорного языка этих периодов.

1.3.2. В силу того, что на протяжении почти всего своего развития Д.я. был языком децентрализованной империи Чжоу, ни о какой стандартизации вплоть до III в. до н. э. говорить нельзя; даже иероглифическая письменность представлена целым рядом сильно отличающихся друг от друга вариантов (см. 1.4.0). Первая попытка стандартизации системы письменности и введения на всей территории Китая единого административного языка была предпринята только после объединения страны под властью династии Цинь в 221 г. Стандартный официальный язык оформляется в эпоху империи Хань (II в. до н. э. — III в. н. э.); типичным образцом является труд придворного историографа Сыма Цяня (145-86 гг. до н. э.) «Исторические записки», написанный, по-видимому, на смеси разговорного языка ханьской столицы Чаньань с многочисленными литературными элементами, заимствованными из конфуцианских памятников V-III вв. до н. э.

1.3.3. Д.я. в традиционном Китае вплоть до нового времени не являлся предметом отдельного изучения; школьное образование предполагало всестороннее штудирование канонических текстов, написанных на Д.я., но, в силу преемственности между Д.я. и позднейшими стадиями развития китайского языка, обеспечивавшейся единой системой письма, специальное объяснение грамматической и лексической структуры Д.я. не считалось необходимым, а фонетические особенности Д.я. оставались нераскрытыми даже для специалистов-филологов (тексты на Д.я. до сих пор принято читать, подставляя на место иероглифов их чтения в современных диалектах, чаще всего — пекинском).

Необходимость серьезного анализа собственно языкового аспекта текстов на Д.я. была впервые осознана китайскими филологами эпох Поздняя Мин и Цинь (XVII-XIX вв.), такими, как Гу Яньбу, Дай Чжэнь, Дуань Юйцай, Ван Няньсунь и др.; это было связано, в первую очередь, с их желанием найти рациональную альтернативу неоконфуцианству, занимавшему в то время доминирующую позицию в филологии. Анализ этот, впрочем, сводился в основном к вопросам исторической фонологии (реконструкция системы рифмовки древних поэтических памятников), графики (исследования по истории развития китайской письменности) и лексики (уточнение значений древних слов на основе контекстного анализа); грамматические аспекты Д.я. оставались практически незатронутыми.

Новый этап в изучении Д.я. наступает в конце XIX в. вследствие ознакомления китайских филологов с западной лингвистической тра-

дицией, а также с подключением к исследовательской работе собственно западных языковедов. Первая китайская грамматика, написанная на этой основе Ма Цзяньчжуном (1898 г.), в качестве объекта описания имела «вэньянь», однако с начала XX в. начинаются серьезные лингвистические исследования, специально посвященные языку памятников, написанных на аутентичном Д.я. Одним из важнейших объектов изучения становится историческая фонетика и фонология Д.я., первую систематическую реконструкцию которых предложил Б. Карлгрэн (1954); впоследствии его результаты были значительно откорректированы в работах С. Е. Яхонтова, Э. Пуллиблэнка (1962), С. А. Старостина (1989) и У. Бэкстера (1992).

В плане грамматики наиболее фундаментальное описание до сих пор принадлежит Ван Ли (1962), хотя по целому ряду аспектов его можно считать устаревшим; из более новых общих описаний стоит отметить работу Э. Пуллиблэнка (1995). Большой вклад в изучение структурных аспектов Д.я. внесли такие выдающиеся синологи, как А. Грэм (Великобритания), А. Масперо (Франция), П. Серройс (Нидерланды), Дж. Кеннеди, Дж. Чикоски (Америка). Описательные работы по конкретным периодам развития Д.я., отличным от классического, до сих пор являются редкостью; исключения представляют грамматика раннечжоуского языка У. Добсона (1962) и краткое описание архаического языка гадательных надписей, составленное М. В. Крюковым (1973). В целом прогресс в исследовании Д.я. тормозится зависимостью большинства специалистов от традиционной методики чтения текстов на Д.я., практически не учитывающей такие их аспекты, как прагматику, лексическую сочетаемость и синтаксические свойства отдельных лексических единиц.

Сегодня изучение Д.я. как отдельной дисциплины считается обязательным компонентом синологического образования во всех предлагающих его учебных заведениях (как в КНР, так и в других странах). При этом, однако, в большинстве случаев преподавание Д.я. до сих пор методологически не отделено от преподавания вэньяня, а учебной литературы по тем аспектам Д.я., которые наиболее наглядно отличают его от вэньяня (фонологии, морфологии, лексикологии), пока не существует.

1.4.0. Д.я. на всех этапах своего развития записывался исключительно иероглифической письменностью. Письменные памятники, предшествующие периоду правления династии Шан-Инь, по-видимому, отсутствуют; попытки как-либо связать с китайским языком и письмом элементы графической символики, обнаруженные в неолитических культурах бассейна Хуанхэ (например, т. н. «письменность Цзяху» — несколько протописьменных пиктограмм, обнаруженных на артефактах, относящихся к культуре Пэйлиган, ≈ 7000-5000 гг. до н. э.),

пока не увенчались успехом.

Первыми несомненными письменными памятниками, выполненными на Д.я., можно считать гадательные надписи, выпаранные на панцирях черепах и костях домашних животных и относящиеся к периоду Шан-Инь (годы правления династии традиционно — 1766-1122 до н. э., однако подавляющее большинство надписей датируется примерно XIV-XI вв. до н. э.); в китайской традиции этот вид письма получил название 甲骨文 *цзя гу вэнь*, букв. 'знаки на панцирях и костях'. Существуют косвенные аргументы в пользу того, что иньцы использовали в качестве писчих материалов и другие объекты (например, присутствие в иероглифическом инвентаре этого периода знаков, изображающих 'кисть' и 'бамбуковую дощечку для письма'), однако ни одного конкретного примера такого письма не сохранилось.

Можно с уверенностью предполагать, что иньскому письму предшествовали какие-то более ранние этапы развития, т. к. в иньских надписях китайская письменность уже представляет собой сложную систему, в инвентаре которой обнаруживаются все традиционно выделяемые категории иероглифики: пиктограммы (прорисовываемые, как правило, с высокой степенью тщательности), идеограммы (сочетания из двух и более пиктограмм, каждая из которых несет смысловую нагрузку) и фоноидеограммы (сочетания из двух пиктограмм, одна из которых является детерминативом, т. е. несет смысловую нагрузку, а другая — фонетиком, т. е. указывает на примерное чтение знака). Фоноидеограммы в иньском письме находятся в меньшинстве, т. к. фоноидеографический принцип еще не успел занять приоритетную позицию при образовании новых знаков; наиболее продуктивным способом расширения возможностей системы письма является т. н. «принцип заимствования», когда омонимичные или сходные по произношению слова записываются одной и той же пиктограммой, первоначально изобретенной для записи лишь одного из них (например, слово 來 *rě* 'приходить' записывается пиктограммой 'пшеница' ввиду фонетического сходства между соотв. словами).

С падением династии Инь на смену письму *цзя гу вэнь* приходит раннечжоуская письменность, образцы которой доступны наблюдению в виде надписей на различных артефактах, чаще всего — бронзовых ритуальных сосудов (отсюда общее название 金文 *цзинь вэнь*, букв. 'знаки на металле'). Преемственность стиля *цзинь вэнь* по отношению к стилю *цзя гу вэнь* очевидна, но он характеризуется также структурной перестройкой ряда употребительных пикто- и идеограмм, значительным расширением знакового инвентаря и большей значимостью фоноидеографического принципа.

Письменные памятники периодов Чуньцю (770-476 до н. э.) и

Чжаньго (475-221 до н.э.) отличаются гораздо бóльшим разнообразием стилей письма. Это связано в первую очередь с расширением функций китайской письменности и постепенным переходом от использования ее почти исключительно в ритуально-религиозных целях к письменному оформлению официальных документов и, в конечном итоге, к записи памятников художественной словесности. Единого термина для обозначения китайского письма VIII-III вв. до н. э. не существует; чаще других используется определение 大篆 *да чжуань*, букв. 'большая печать', однако во многих работах этот же термин используется в гораздо более узком смысле — как обозначение конкретного стиля письма, разработанного придворным историографом чжоуского Сюань-вана (827-782 гг. до н. э.) и якобы кодифицированного им в словарном списке «Ши чжоу пянь» («Список историографа Чжоу»), частично сохранившегося через передачу отдельных вариантов начертания в словаре «Шовэнь цзецзы» (I в. н. э.). Название 'большая печать' связано с тем, что основные образцы данного стиля письма как до филологов эпохи Хань, так и до нашего времени дошли в первую очередь на каменных и нефритовых печатях. Начертания на печатях отличаются значительно большей схематизацией изображения по сравнению с *цзинь вэнь*, но при этом, как правило, все еще достаточно детально прорисовывают все части пиктограмм, а сами пиктограммы остаются неразложимыми на составные элементы (черты).

Параллельно с официальным стилем письма развиваются и многочисленные локальные варианты, известные в основном по текстам литературных памятников, записанных на бамбуковых дощечках и шелковых свитках, которые время от времени обнаруживаются в ходе археологических раскопок, проводимых на территории КНР начиная с 1950-х гг. Предполагается, что бамбуковые дощечки служили ходовым писчим материалом уже в эпоху Шан-Инь, однако ввиду плохой сохранности бамбука, первые известные памятники такого рода датируются только периодом Чжаньго (V-III вв. до н. э.). Представленные на них иероглифы, как правило, являются значительно упрощенными по сравнению со стилем «большой печати».

Принципиально новый этап в развитии Д. письменности начинается после объединения Китая под властью династии Цинь (221 г. до н. э.). В рамках общего стремления к максимальной унификации различных стандартов, конкурировавших друг с другом в доциньскую эпоху, под руководством циньского премьер-министра Ли Сы была проведена реформа письменности, в ходе которой все региональное разнообразие стилей письма было упразднено в пользу единого стиля 小篆 *сяо чжуань*, букв. 'малая печать', который на самом деле представлял собой слегка модифицированный вариант официального письма царства Цинь, использовавшийся в нем еще до объединения Китая.

Это, однако, не привело к исчезновению региональных вариантов, т. к. последние были вытеснены лишь из ритуальной сферы (т. е. из надписей на сосудах, инструментах, каменных стелах и т. п.), в то время как в документах, фиксировавшихся на бамбуке и шелке, продолжали существовать и развиваться «вульгарные» стили письма.

На смену 'малой печати' уже в самом начале правления династии Хань приходит стиль 隸書 *ли шу*, букв. 'служебное письмо'. Этот вариант иероглифической письменности можно считать уже полностью ориентированным на новые виды писчего материала (шелк и бумагу, на которые знаки наносились с помощью кисти и туши). Именно в *ли шу* окончательно утверждается «квадратная» конфигурация иероглифического знака и замкнутый инвентарь составляющих его черт; вся дальнейшая эволюция официальных (но не скорописных) форм китайской письменности носит скорее эстетический, чем структурный характер. Наряду с этим усиливается тенденция к образованию большого количества новых знаков в целях ограничения омографии, причем практически единственным принципом их создания является фоноидеографический.

Основные итоги бурного развития китайской письменности в эпохи Чжаньго — Цинь — Хань подведены в первом толковом словаре иероглифов «Шовэнь цзецзы», завершеном ок. 100 г. н.э. ханьским филологом Сюй Шэнем. «Шовэнь» содержит 9353 основных знака и 1163 дополнительных графических вариантов, упорядоченных по специально разработанной Сюй Шэнем системе ключей-детерминативов из 540 элементов (современная система из 214 ключей входит в употребление намного позже — в начале XVIII в.). Многие из этих знаков являются чисто «словарными» и не встречаются ни в литературных текстах, ни в эпиграфических памятниках; чаще всего они восходят к региональным вариантам более частотных знаков.

1.5.0. Д.я. — наиболее ранний из известных нам этапов развития китайского языка, на смену которому в дальнейшем приходит среднекитайский. Полного согласия относительно хронологических рамок применения термина «древнекитайский» не существует; согласно наиболее распространенной точке зрения, начало среднекитайского периода следует относить примерно к V–VI вв. н. э., когда в целом завершается радикальная перестройка китайской фонологической системы, начавшаяся в эпоху Западная Хань (II–I вв. до н. э.).

Вопрос периодизации истории Д.я., как правило, неразрывно связан с периодизацией собственно истории Древнего Китая, основным вектам которой часто соответствуют и радикальные изменения в языке памятников соответствующих периодов. При этом соответствующие изменения иногда накапливаются постепенно, что типично для нескольких последовательных стадий одного и того же диалекта, но

иногда появляются внезапно, что скорее указывает на замену старого престижного диалекта новым. «Диалектный фактор», таким образом, значительно осложняет построение идеальной схемы периодизации, так что предлагаемую ниже схему можно считать лишь приближительной.

Точное время появления первых носителей китайского языка в бассейне Хуанхэ установить невозможно. Лексикостатистические подсчеты показывают, что для отделения синитической ветви от общесино-тибетского ствола реалистично предполагать дату, примерно соответствующую середине V тыс. до н. э. С этого момента и вплоть до появления первых письменных памятников в середине II тыс. до н. э. уместно говорить о *протокитайском* языке — общем предке всех известных диалектов Д.я., отдельные гипотетические представления о котором можно получить, с одной стороны, методом внутренней реконструкции Д.я., с другой — внешним сравнением Д.я. с родственными ему тибето-бирманскими языками. Именно в этот период формируются основные характерные черты Д.я., отличающие его от прочих представителей сино-тибетской семьи, в первую очередь — почти полная ликвидация старой системы словообразовательной морфологии и переход от типичного для тибето-бирманских языков порядка слов SOV к SVO (старый порядок слов сохранился в Д.я. лишь в отношении отдельных случаев использования личных, указательных и вопросительных местоимений).

Язык периода Шан-Инь, представленный первыми неоспоримыми письменными памятниками, в отечественной традиции носит название *архаического* Д.я. (не следует путать с англ. *Archaic Chinese*, термином, введенным в оборот Б. Карлгреном для обозначения Д.я. как такового, но сегодня уже вышедшим из активного употребления). Несмотря на многочисленность гадательных надписей, выполненных на архаическом Д.я., его грамматическая структура и лексический состав известны лишь поверхностно, т. к. большинство выполненных на нем текстов тематически однообразно и выполнено по определенным шаблонам (типичная структура гадательной надписи включает указание даты гадания, имени гадателя, кратко сформулированный вопрос и отметку о положительном / отрицательном ответе; в редких случаях указывается также, сбылось ли предсказание или нет), а письменность включает большое количество знаков, не имеющих очевидных эквивалентов в памятниках последующих периодов, что препятствует полной расшифровке иньского корпуса.

Тем не менее, анализ грамматики гадательных надписей, проведенный Гуань Се-чу, Чэнь Мэн-цзя, П. Серройсом, М. В. Крюковым и другими исследователями, с одной стороны, показывает, что соотв. язык, несомненно, представляет собой одну из диалектных форм Д.я.,

с другой — позволяет отметить несколько явлений, специфичных именно для данного диалекта, в частности, высокую частотность служебного наречия 其 *gə* (точная функция которого в иньском языке неизвестна) и показателя эмфатической конструкции 唯 *wij*. Помимо этого, для языка иньских надписей практически совсем не засвидетельствованы такие категории служебных слов, как видо-временные показатели, восклицательно-вопросительные частицы, маркеры посессивности и т. п.; последнее, однако, объясняется скорее прагматическими факторами (возможность опущения служебных слов без серьезного ущерба для смысла в рамках жанра гадательного вопроса), чем реальным отсутствием этих слов в языке иньского периода.

На смену архаическому Д.я. в результате покорения иньского государства племенным союзом Чжоу приходит *раннедревнекитайский* или *доклассический* Д.я. (X-VI вв. до н.э.). Древнейшими образцами доклассического Д.я. являются эпиграфические памятники — ритуальные надписи на бронзовых сосудах и других ценных артефактах (напр., музыкальных инструментах), принадлежавших представителям чжоуской аристократии. Чрезвычайно близким к ним по целому ряду грамматических и лексических признаков оказывается ряд древнейших литературных памятников Д.я. — таких, как «Шуцзин» («Канон писаний»), «Шицзин» («Канон песен»), «Ицзин» («Канон перемен»), хотя все они, кроме «Шицзина», несвободны от позднейших вставок, из которых одни («Шуцзин») намеренно подражают доклассическому языку, другие («Ицзин») являются по сути комментариями к древнему тексту, написанными на более современном языке.

Доклассический Д.я. сменяет архаический Д.я. не только в хронологическом, но и в диалектном плане, т. к. чжоуские завоеватели, переняв иньскую письменность, приспособили ее под нужды собственного диалекта, имевшего значительные лексические и грамматические отличия от иньского. В письменных памятниках эти отличия, в частности, проявляются в системе личных и указательных местоимений (появление притяжательных форм местоимения 3-го л. 厥 *k^wat*, 其 *gə*, специального эмфатического указательного местоимения 是 *de?* и др.), а также в замене эмфатической функции предиката 唯 *wij* ('(быть) именно так, что...') на ограничительную ('только...').

Переход от доклассического к *классическому* Д.я. (V-III вв. до н.э.) носит достаточно плавный характер и может быть интерпретирован как в хронологическом плане, так и в ареально-диалектальном. Хронологически начало классического периода принято связывать с переходом от преимущественно эпиграфических памятников раннечжоуской эпохи к зарождению и развитию в эпоху Чуньцю жанра философской и исторической прозы. При этом, однако, язык этих лите-

ратурных текстов, равно как и язык эпиграфических памятников соответствующего им периода, обнаруживает настолько многочисленные грамматические и лексические расхождения с языком доклассического периода, что объяснить их исключительно хронологической эволюцией доклассического Д.я. вряд ли возможно. Более вероятно то, что в этот период на смену престижному диалекту чжоуского двора в качестве основных письменных идиом приходят диалекты отдельных древнекитайских княжеств — в первую очередь Лу (родины Конфуция), несколько позже — таких культурных центров эпох Чуньцю и Чжаньго, как Ци, Сун, Чу и Цинь.

Язык классического периода считается на сегодняшний день наиболее детально исследованной стадией развития Д.я., хотя и в его изучении еще немало лакун. От доклассического языка его отличают такие особенности, как наличие (точнее, засвидетельствованность) сложной системы конечных модальных частиц; частичное вытеснение старой формы местоимения 1-го л. 我 *nhāj?* новым вариантом 吾 *nhā*; широкое применение номинализирующих оборотов со служебными словами 所 *sra?* и 者 *tia?*; употребление 於 *ʔa* в качестве основного направительного предиката вместо более раннего 于 *wa* и т. д. В плане фонетики к этому периоду, по-видимому, следует относить такие важные изменения, как развитие начальных глухих сонантов на месте старых сочетаний с пред-инициалью *s-*; фонологизацию восходящего тона; дифтонгизацию гласных *o*, *u* > *wa*, *wə* перед переднеязычными терминалями.

В некоторых схемах в качестве отдельного этапа развития Д.я. указывается *позднеклассический*, или *раннеханьский* период, начинающийся примерно с середины III в. до н.э., т. е. незадолго до объединения Китая под властью династии Цинь (221 г. до н.э.), а затем Хань (206 г. до н.э.). Специфика этого периода лежит скорее в сфере социолингвистики, т. к. именно в это время вырабатывается особая форма литературного языка, в основе которой лежат разговорные диалекты того времени (в первую очередь южные), но при этом письменно-ориентированная. Последнее проявляется в стремлении к максимальной сжатости текста, вплоть до частого опущения необходимых для устного языка служебных слов.

В плане грамматики для позднеклассического языка характерно регулярное смешение эндо- и экзоактивных предикатов (см. 2.3.7), что указывает на вероятное отмирание этой оппозиции в устном языке, а также появление ряда новых синтаксических конструкций и служебных морфем. В плане фонетики именно на раннеханьский период, судя по данным рифм и транскрипций иноязычных слов, приходится трансформация сочетаний *Tr-* («дентальная инициаль + *r*»), *Cr-* («свистящая инициаль + *r*») соответственно в ретрофлексные

взрывные (*t*-) и шипящие аффрикаты (*č*-), а также появление новой палатальной медиали *-j-* в результате дифтонгизации гласных *e, i > ja, jə* перед переднеязычными терминалями.

Позднедревнекитайский период охватывает хронологический отрезок примерно с I по IV-V вв. н. э. и является, по сути, переходным от Д.я. к среднекитайскому. Фонетическая эволюция Д.я. в этот период заметно ускоряется, возможно, под влиянием перехода на Д.я. большого количества носителей австроазиатских, тайских и мяо-яо языков в Южном Китае. На это время падает, в частности, исчезновение глухих сонантов; фрикативизация латерального *l*- и замещение освободившейся лакуны вибрантом *r*- (т. е. *l* → *z*-, *r* → *l*-); утрата противопоставления гласных по долготе/краткости и развитие на его месте качественного противопоставления напряженных и ненапряженных гласных; возникновение на месте старого консонантного суффикса *-h* падающего тона и окончательное оформление «классической» четырехтональной системы и др.

Грамматические особенности позднедревнекитайского с трудом поддаются изучению, т. к. «чистых» текстов, написанных на живом языке этого периода, практически не встречается; ближе всего к идеалу стоят ранние памятники буддийской литературы (переводы сутр) и художественно обработанные сборники народных рассказов, такие, как «Записки о поисках духов» Гань Бао (IV в.). Анализ этих памятников показывает, что в этот период уже начинают оформляться некоторые особенности, свойственные и современному китайскому языку, в частности, системы приглагольных модификаторов, направительных послелогов, счетных слов и т. п.

При дальнейшем описании под «Д.я.» будет по умолчанию подразумеваться язык классического периода; в тех случаях, когда язык предшествующих или последующих периодов демонстрирует значительные отличия от классической нормы, соответствующая информация диахронического характера будет оговариваться особо. Морфемы Д.я. также последовательно приводятся в чтениях классического периода (в реконструкции С. А. Старостина) с параллельным приведением их современных производительных эквивалентов в транскрипционной системе пиньинь.

1.6.0. На протяжении всех периодов, представленных письменными памятниками, Д.я. безоговорочно являлся наиболее престижным языком в занимаемом им ареале, что, в свою очередь, сводило к минимуму какое-либо структурное воздействие на него со стороны других языков. Тем не менее, данные фонетической реконструкции однозначно указывают на то, что примерно с середины I тыс. до н. э. и вплоть до начала среднекитайского периода в типологическом аспекте Д.я. постепенно трансформировался из языка «тибето-бирманского

типа» в язык «тайско-австроазиатского» типа, что выражалось прежде всего в его фонетической перестройке (развитие тональных противопоставлений; резкое сокращение фонологического инвентаря, особенно консонантного) и в непосредственно связанных с этим процессах образования большого количества двусложных композитов, а также в развитии сложного аппарата счетных слов.

Такое развитие было, скорее всего, вызвано активной экспансией китайской цивилизации на юг — в район бассейна Янцзы и еще более южные области, что не могло не привести к массовому переходу местного населения, в массе своей говорившего на предках современных мон-кхмерских, тай-кадайских и мяо-яо языков, на Д.я. и, как следствие этого, постепенное проникновение в Д.я. типологических черт, свойственных этим языкам.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонологическая система Д.я., ввиду специфического характера письменности, не поддается непосредственному наблюдению и нуждается в реконструкции. Основными источниками сведений о фонетике Д.я. являются фоноидеогаммы (иероглифы фонетической категории) и система рифм древнекитайской поэзии. Сочетая информацию этих двух источников со сведениями о среднекитайской фонетике VI-VII вв. н. э. (в этот период уже появляются фонетические словари, по которым с достаточной надежностью определяется фонологическая система среднекитайского языка), а также с данными современных архаичных диалектов (особенно южнокитайских диалектов группы Минь), удастся более или менее достоверно восстановить фонологическую систему всех этапов развития Д.я., начиная с доклассического.

Единой, общепринятой реконструкции фонологической системы Д.я. не существует. Наиболее полными, оригинальными и современными на сегодняшний день являются реконструкции, предложенные У. Бэкстером (1992) и С. А. Старостиным (1989). Ни ту, ни другую нельзя считать окончательными, однако различия между ними в значительной степени касаются конкретной фонетической интерпретации наблюдаемых оппозиций, нежели самой системы оппозиций. Все сведения о фонологии Д.я., а также реконструированные чтения слогов Д.я., приводимые ниже, основаны на реконструкции С. А. Старостина.

Д.я. относился к числу моносиллабических (т. е. слоговые границы в общем случае совпадали с морфемными и словесными). Слог делился на две органичных составляющих: *инициаль* (начальный согласный) или инициальная группа + *финаль*. Финаль слога в обязательном порядке включала в себя *слогодобрающий гласный* и *терминаль* (т. е. конечный согласный). Помимо этого, в состав финали могла входить

медиаль (в Д.я. это мог быть плавный согласный или глайд, предшествовавший слогообразующему гласному) и *пост-терминаль* — дополнительный спирант или ларингал (изначально суффиксального происхождения), располагавшийся справа от терминали.

Для классического Д.я. надежно восстанавливается система из 27 инициалей; существование еще 16 предполагается на основании косвенных аргументов (в таблице эти спорные инициали помещены в скобки) и нуждается в дополнительной исторической верификации.

Шумные инициали

Способ образования	Смычные				Спиранты	
	Простые		Придыхательные		Простые	Придых.
Место образования	Гл.	Зв.	Гл.	Зв.		
Лабиальные	p	b	ph	(bh)		
Дентальные	t	d	th	(dh)		
Велярные	k	g	kh	(gh)		
Латеральные	(λ)	(Ł)	(λh)	(Łh)		
Свистящие	c	ʒ	ch	(ʒh)	s	(sh)
Ларингальные	?					h

Сонорные инициали

Способ образования	Назальные			Оральные		
	Зв.	Гл.	Придых.	Зв.	Гл.	Придых.
Лабиальные	m	m̥	(mh)	w	w̥	(wh)
Дентальные	n	n̥	(nh)	r	r̥	(rh)
Палатальные				(j)		
Латеральные	l	l̥	(lh)			
Велярные	ŋ	ŋ̥	(ŋh)			

В конечной (терминальной) позиции из этих согласных могли быть представлены только смычные *-p*, *-t*, *-k*, носовые *-m*, *-n*, *-ŋ*, глайды *-w*, *-j*. Только в конечной позиции встречалась палатальная аффриката *-ć*. Отдельной терминалью можно считать нулевую (отсутствие конечного согласного). В пост-терминальной позиции в классическом Д.я. был представлен только ларингальный *-h*, сочетавшийся либо с нулевой терминалью, либо с носовыми и глайдовыми (образуя с последними сочетания *-mh*, *-nh*, *-ŋh*, *-wh*, *-jh*).

Начальные сонорные согласные могли вступать в сочетания с начальным спирантом *s-*, причем фонетически эти сонорные были глухими (т. е. *sm*, *sw*, *sn*, *sr*, *sl*, *sn*), хотя фонологически противопоставления сонорных по ларингальным признакам в этой позиции были нейтрализованы.

Все начальные согласные (кроме латеральных и *r*) могли сочетаться с последующей медиалью *-r-* (образуя сочетания *pr*, *br*, *kr*, *ʔr* и т. п.) и, реже, медиалью *-l-*. Помимо этого, все инициалы (кроме лабиальных) и начальные комбинации согласных могли вступать в сочетание с последующей медиалью *w*.

В плане вокализма для Д.я. надежно восстанавливается базисная система из шести гласных: *i*, *e*, *a*, *u*, *ə* (точная артикуляция *ə* не поддается установлению — скорее всего, это был среднерядный гласный среднего или верхнего подъема).

Систему финалей классического Д.я. можно представить следующим образом:

	Терминаль								
(Медиаль) + гласный	p	m	t	n	j	k	ŋ	θ	ć
i	ip	im	it	in	ij	-	-	-	ić
wi	-	-	wit	win	wij	-	-	-	wić
e	ep	em	et	en	-	ek	eŋ	e	eć
we	-	-	wet	wen	-	wek	wen	we	wec
ə	əp	əm	ət	ən	əj	ək	əŋ	ə	əć
wə	-	-	wət	wən	wəj	wək	wən	wə	wəć
a	ap	am	at	an	aj	ak	aŋ	a	ać
wa	-	-	wat	wan	waj	wak	wan	wa	wac
u	-	-	-	-	-	uk	uŋ	u	-
o	-	-	-	-	-	ok	oŋ	o	-
iu	-	-	-	-	-	iuk	-	iu	-
eu	-	-	-	-	-	euk	-	eu	-
au	-	-	-	-	-	auk	-	au	-
ia	-	-	-	-	iaj	iak	-	ia	-

Обрисованная выше система фонем классического Д.я. является несколько модифицированной по сравнению с более ранними (архаическим и доклассическим) периодами. Основные отличия доклассической системы от описанной выше следующие:

1) глухих сонорных не существовало — они развились из доклассических сочетаний *sm*, *sw*, *sn*, *sr*, *sl*, *sn*. На месте классических *sm*, *sw*, *sn*, *sr*, *sl* в доклассическом языке, по-видимому, были сочетания «*s* +

придыхательный сонорный», т. е. *smh, snh, syh, swh, slh*;

2) имелся особый ряд лабиовелярных и лабиоларингальных согласных (*k^w, kh^w, g^w, (?) gh^w, (?) η^w*), фонологически переразложившихся в классическом Д. я. на сочетания «согласный + *w*»;

3) вероятно, имелся отдельный ряд палатальных аффрикат (*č, čh, ž, žh*), совпавших к классическому периоду со свистящими;

4) медиали *w* еще не существовало (в классическом Д.я. она появилась частично в результате разложения лабиализованных, частично — в результате дифтонгизации гласных *u, o* соответственно в *wə, wa* перед конечными переднеязычными согласными);

5) имелась сонорная терминаль *-r*, в классическом Д.я. совпавшая с *-n* (хотя в некоторых диалектах имело место альтернативное развитие в *-j*);

6) финалей с нисходящими дифтонгами *iu, eu, ai* еще не существовало, а на их месте были представлены финали с конечными согласными *-k^w* и *-w*;

7) в архаическом Д.я. вместо ларингальной пост-терминали *-h* была представлена фрикативная пост-терминаль *-s*, имевшая более широкую дистрибуцию (свободно сочеталась со всеми терминалями); однако уже в доклассическом языке имела место система переходов *-s, -ks > -h; -ts, -ps > č*.

2.1.2. Вплоть до классического периода в Д.я., по-видимому, не существовало фонологически значимых тональных противопоставлений. Уже в работах Э. Пуллиблэнка (впоследствии его точка зрения была принята в системах У. Бэкстера и С. А. Старостина) было показано, что классическая система из четырех основных тонов, наблюдаемая в среднекитайском языке, отражает сегментные, а не супрасегментные оппозиции в Д.я., причем «уходящий тон» среднекитайского развивается на месте бывшей пост-терминали *-s*, а «восходящий тон» — на месте ларингальной пост-терминали *-ʔ*. (Что касается «входящего тона», то он и в среднекитайском языке не имел реального фонологического значения, будучи автоматически присущим любому слогу, заканчивавшемуся на один из смычных согласных *-p, -t, -k*).

Фонологизация восходящего тона, по-видимому, должна датироваться классическим периодом (V-III вв. до н. э.). Такой вывод делается на основании того, что в рифмах древнекитайской поэзии доклассического периода («Шицзин») регулярно наблюдаются «неточные» рифмы между слогами на *-k* и *-ʔ*, в то время как в рифмованных текстах классической эпохи такие рифмы почти полностью исчезают. Это косвенно свидетельствует в пользу ослабления в этот период сегментной артикуляции гортанного смычного и реинтерпретации сегментной оппозиции (напр., *ma : maʔ*) как супрасегментной (*ma : má*). Таким образом, для классического Д.я. можно предполагать наличие

системы из двух фонологических тонов — ровного и восходящего. Что касается фонологизации падающего тона, имевшей место после отпадения пост-терминали *-h*, то ее обычно датируют периодом не ранее III в. н.э., т. к. даже в памятниках династии Поздняя Хань (I-II вв. н.э.) слоги с этим согласным еще используются для передачи иноязычных слов, содержащих *h*: так, иероглиф 謝 (= поздне-Д. *žäh*) передает среднеперсидское *šäh* 'царь' и т. п.

В просодическом плане можно с уверенностью утверждать, что все односложные слова Д.я. делились на полноударные и клитики, причем к разряду клитик относились только конечные модальные частицы (也 *lhiáj /yě/*, 矣 *hlə? /yǐ/* и др.) и объектная форма местоимения 3-го л. 之 *tə /zhī/*. Безударный характер этих морфем, образовывавших с предыдущим слогом единое фонетическое слово, доказывается следующим образом:

а) в Д. поэзии они не обладают способностью участвовать в рифмовке; если на конце рифмующейся строки размещается энклитика, рифмующимся будет считаться не последний, как это обычно бывает, а предпоследний слог;

б) в ряде случаев они сливаются с соседними служебными словами, образуя односложные фонетические слова, записываемые одним иероглифом: 不 *pə /bù/* + 之 *tə /zhī/* → 弗 *pət /fú/*; 也 *lhiáj /yě/* + 乎 *wā /hū/* → 與 *lh(i)a /yú/*.

2.1.3. Сколь-либо детальные сведения о позиционных вариантах фонем, реконструируемых для Д.я., отсутствуют в силу иероглифического характера письменности. В единичных случаях, представленных исключительно служебными морфемами, можно говорить о наличии в Д.я. элементов сандхи. Так, в доклассическом языке «Шичзина» служебная морфема, регулярно оформляющая атрибут к предикату, имеет два фонетических варианта — 然 *nan /rán/* по умолчанию и 言 *ŋan /yán/* после слова, оканчивающегося на заднеязычную терминаль: 居然 *ka-nan /jūrán/* 'спокойно', но 永言 *wraŋ?-ŋan /yǒngrán/* 'вечно'. Однако уже в классический период это графическое противопоставление исчезает, да и в доклассических памятниках проводится непоследовательно.

2.1.4. Основные сведения о структуре слога в Д.я. уже приведены выше (см. 2.1.1). В диахроническом аспекте следует отметить, что переход от Д. к среднекитайскому этапу привел к ряду важнейших изменений этой структуры:

а) уже в эпоху Поздняя Хань (если не раньше) перестала существовать позиция пред-инициали, в которой до этого мог быть представлен префиксальный элемент *s-*;

б) несколько позже, примерно в III-IV вв. н. э., в связи с развитием

падающего тона исчезает и позиция пост-терминали;

в) позиция медиали, в архаическом и доклассическом Д.я. занимавшая только плавными сонорными *r*, *l*, к III-IV вв. н. э., наоборот, окончательно освобождается от этих согласных, место которых занимают глайды *w* и *j*.

Наряду с общей тенденцией к сокращению фонологического инвентаря, такое упрощение структуры слога неизбежно приводило к расширению морфемной омонимии и, в свою очередь, к постепенному утверждению биморфемного композита как одного из основных типов лексических единиц в китайском языке.

Вопрос о наличии долготных противопоставлений в Д.я. остается открытым. Общепризнанным является наличие в Д.я. фундаментальной оппозиции двух типов слогов (иногда обозначаемых условно как слоги категорий А и В), противопоставленных по какому-то, скорее всего, просодическому признаку, который не препятствовал способности слогов из разных категорий рифмоваться друг с другом, но в дальнейшем оказал существенное влияние на развитие как вокализма (именно это противопоставление привело к образованию сложной системы «дэнов» в среднекитайском языке), так и консонантизма (в частности, слоги категории В обуславливают в поздне-Д. я. палатализацию всех дентальных согласных). Фонетическая интерпретация этой оппозиции, однако, не является очевидной. Старая трактовка Б. Карлгрена, согласно которой слоги категории В характеризовались наличием в них палатальной медиали *-j-*, сегодня отвергается большинством исследователей, противопоставляющих ей такие гипотезы, как оппозиция по фарингализованности (Дж. Норман), долготе/краткости (С. А. Старостин, Чжэнчжан Шанфан) и даже силе/слабости слоговой инициали (У. Бэкстер и Л. Сагар).

С точки зрения внешних связей Д.я. наиболее убедительным выглядит предположение о коррелировании слогов категории А с признаком *долготы* гласного, а слогов категории В — с признаком *краткости* (на это указывают внешние соответствия морфемам Д.я. в нек-рых тибето-бирманских языках), причем дополнительным признаком кратких гласных могла быть *напряженная* артикуляция. При переходе от Д. к среднекитайскому этапу в качестве основной стала восприниматься оппозиция по напряженности / ненапряженности; это в конечном итоге привело к тому, что гласные одного тембра, но разного количества разошлись друг с другом в плане артикуляции, а среднекитайский инвентарь гласных разросся с 6 фонем Д. эпохи до примерно 12-15.

2.2.0. Морфофонологические сведения.

2.2.1. В общем случае, как и в современном китайском языке, базисная фонетическая единица Д.я. (слог) совпадает с базисной грам-

матической единицей (морфемой): 人 *nin /rén/* 'человек', 來 *rā /lái/* 'приходить'. Тем не менее, в определенных случаях морфема в Д.я. может быть как длиннее, чем слог, так и несколько короче.

Двусложные морфемы, передающиеся на письме комбинацией из двух иероглифов — это относительно небольшая группа имен, которые, как правило, относятся к сфере культурной лексики (чаще всего — флора и фауна) и не могут быть объяснены как композиты, т. е. составляющие их слоги не имеют самостоятельного значения и не употребляются отдельно друг от друга: 芥苳 *bhə-ləʔ /fóu-yí/* 'подорожник', 蝴蝶 *gā-lēp /hú-dié/* 'бабочка'. Существование таких слов на ранних этапах «протокитайского» уровня маловероятно, поскольку надежных внешних параллелей в тибето-бирманских языках, которые также были бы двусложными, они не имеют. Возможных источников их появления в Д.я. два: (а) заимствование и приспособление под фонотактические требования Д.я. многосложных слов из соседних языков; (б) образование единого слова из двух морфем, одна из которых уже на «протокитайском» уровне оказалась полностью десемантизированной и утратила способность употребляться самостоятельно.

От нерасчленимых (кроме как графически) на индивидуальные компоненты двусложных морфем следует отличать:

а) полные или частичные *редупликации* слога, обычно несущие экспрессивно-эмфатический характер и чаще всего встречающиеся в поэтических памятниках или в художественно выразительной прозе. *Полные* редупликации (в традиционной терминологии — 重疊 */chóng-dié/* 'двойное наложение') свойственны почти исключительно качественным глаголам в функции предиката (ср.: 其民依依, 其行遲遲, 其意好好 *gə mìn ʔəj ʔəj, gə grāŋ ʔhəj ʔhəj, gə ʔəh hū hū /qí mín yī yī, qí xíng chí chí, qí yì hǎo hǎo/* 'его народ (весьма) плодovit, его поведение (совершенно) спокойно, его намерения (всецело) прекрасны').

Частичные редупликации подразделяются на 疊韻 */dié-yùn/* 'удвоенные рифмы' — последовательность из двух слогов с одинаковыми финалями, напр. 窈窕 *ʔéw-Léw /yǎo-tiǎo/* 'далекий, таинственный' — и 雙聲 */shuāng-shēng/* 'парные звуки' — последовательность из двух слогов с одинаковыми инициалями, напр. 蟋蟀 *srit-srut /xī-shuài/* 'сверчок'. Их внутреннее устройство может быть различным; в одних случаях частичные редупликации — это сложные образования из двух значимых морфем, объединенных на основании их фонетического и семантического сходства (崔巍 *ʒwāj ɲwāj* 'крутой, обрывистый', где оба слога в отдельности имеют примерно такое же значение), в других — сочетание одной (основной) значимой морфемы со «слогом-эхо», не имеющим самостоятельного значения (蔽芾 *péc-pác /bì-fèi/* 'гус-

то)-тенистый', где только 蔽 *peć /bi/*, но не 芾 *pać /fèi/* способно употребляться самостоятельно в примерно таком же значении);

б) идиоматические двусложные сочетания, значение которых не выводится автоматически из значений их составных компонентов: 諸侯 *ta-gō /zhū-hóu/* 'чжухоу (наследная аристократия)' (букв. 'все князья-хоу'), 德音 *tā k-ʔəm /dé-yīn/* 'доброе имя, репутация' (букв. 'звуки добродетели'). В силу неразвитости продуктивной словообразовательной морфологии именно на эти «биномы» (вопрос о том, считать ли их словами или словосочетаниями, для Д.я. остается столь же открытым, как и для современного китайского) возлагается основная функция образования новых значений в Д.я.

Слог бывает длиннее морфемы в том случае, если в его составе можно выделить словообразовательный суффикс или префикс: 下 *ghrā-h* 'спускаться, падать' (ср. 下 *ghrá* 'низ, быть внизу'); на письме, однако, префиксация и суффиксация никак не обозначаются, и наличие или отсутствие соответствующих морфем обычно определяется исходя из синтаксического и смыслового контекста.

2.2.2. Существенных фонологических различий между служебными и знаменательными морфемами Д.я. не обнаруживается, хотя только первые могут в составе фразы являться клитиками (см. 2.1.2).

2.2.3. Морфонологические чередования представлены в Д.я. в основном реликтовыми явлениями, часть из которых, возможно, еще носила продуктивный характер на прото-китайском или архаическом этапе, но окончательно утратила его в классический период. К их числу относятся следующие:

а) чередование по глухости / звонкости в начальном согласном корня. Зафиксировано в основном в глагольных основах, где оно несет грамматическую функцию, противопоставляя транзитивные глаголы интранзитивным: 敗 *prāć /bài/* 'разбить, разгромить' — 敗 *brāć /bài/* 'быть разбитым, потерпеть поражение'; 屬 *tok /zhǔ/* 'поручать, доверять, отдавать' — 屬 *dok /shǔ/* 'относиться к какому-л. разряду, группе, чьему-л. ведению' (= 'быть отданным, порученным'). Точное количество таких пар в Д.я. неизвестно, поскольку само их наличие устанавливается лишь с помощью фонетических словарей, составленных в среднекитайский период и вряд ли в полной мере учитывающих произносительную норму Д.я.

Помимо этого, чередования по глухости / звонкости окказионально отражают и другие изменения в значении, например, противопоставляют глаголы (勺 *teuk /zhuó/* 'черпать (вино)') отглагольным именам (勺 *deuk /sháo/* 'черпак'). Во многих случаях зафиксированы и «дублетные» чтения без видимых изменений в значении

(住 *troh /zhù/* 'останавливаться; проживать' — *droh /zhù/* id.).

б) чередования гласных по долготе / краткости (или, в другой формулировке, чередования между слогами категории А и В, см. 2.1.4). Как правило, эти чередования, известные по среднекитайским словарям, также отражают лишь диалектную вариацию (于 *wa /yú/*, также 乎 *wā /hú/* '(быть) в, на, при'; 斗 *tō' /dǒu/* 'ковш', реже *tó /zhǔ/*; 令 *riṅ /líng/* 'хороший', реже *rīṅ /líng/* и т. д.), но в отдельных случаях различие по количеству гласного сопровождается и изменением смысла: 入 *nəp /rù/* 'входить': 納 *nā p /nà/* 'вводить, вносить, подносить'; 名 *mheṅ /míng/* 'имя, название': 銘 *mhēṅ /míng/* 'вырезать, выгравировать (надпись, эпитафию)'; 若 *nak /ruò/* 'быть подобным, так, да': 諾 *nāk /nuò/* 'соглашаться'. Тем не менее, в отличие от предыдущего типа чередований, чередование по долготе / краткости не удается привязать к какой-либо единой или основной словообразовательной модели.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

2.3.1. Морфологическое выделение частей речи в Д.я. невозможно ввиду полного отсутствия словоизменительной морфологии и почти полного — словообразовательной. Тем не менее, на основании ряда семантических, синтаксических и статистических критериев основную массу знаменательных лексем Д.я. все же можно разделить по крайней мере на два непересекающихся класса — *имен* и *глаголов*. Подробнее о принципах выделения в Д.я. разрядов слов см. 2.3.7.

Единственным продуктивным способом синтетического словообразования, которым Д.я. обладал, по-видимому, вплоть до классического периода, следует считать суффикс *-h* (← докласс. *-s*; в позднем Д.я. отпадает с развитием на его месте падающего тона), служивший своего рода универсальным средством конверсии одного разряда слов в другой. Так, с его помощью могли образовываться:

а) от имен — глаголы: 女 *nrá /nǚ/* 'женщина, жена' → *nra-h /nù/* 'женить, выдавать замуж'; 中 *truṅ /zhōng/* 'центр, середина' → *truṅ-h /zhòng/* 'попадать в цель (= в середину)';

б) от глаголов — имена: 任 *nəm /rén/* 'нести (ношу)' → *nəm-h /rèn/* 'ноша'; 使 *srá /shǐ/* 'посылать' → *srə-h /shì/* 'посол';

в) от эндоактивных глаголов — экзоактивные (обычно, но не всегда, в каузативной функции, см. 2.3.7): 出 *thwət /chū/* 'выходить' → *thwəc /chǐ/* (из **thwət-s*) 'выгонять'; 食 *lak /shǐ/* 'есть' → *lə-h /sǐ/* (из **lak-s*) 'кормить'; 聞 *mən /wén/* 'слышать' → 問 *mən-h /wèn/* 'спрашивать';

г) от экзоактивных глаголов — эндоактивные (очень редко): 去 *khá /qǐ/* 'отстранять, удалять' → *kha-h /qù/* 'уходить, удаляться'.

В подавляющем большинстве случаев производные слова записывались теми же иероглифами, что и производящие основы, за

исключением отдельных случаев, когда и то, и другое обладали примерно одинаковой высокой частотностью (問 *tən* : 問 *tən-h* и т. п.). Из этого следует, что правильно определить, какой конкретно элемент минимальной пары имеется в виду в том или ином тексте на Д.я., можно только при условии сопоставления контекстной синтаксической информации с орфоэпическими комментариями к памятникам, составленным в значительно более позднюю эпоху.

Попытки доказать для Д.я. наличие гораздо более развитой системы словообразовательной морфологии с многочисленными продуктивными суффиксами и префиксами (А. Шюсслер, Л. Сагар) нельзя считать успешными; в лучшем случае можно говорить лишь об отдельных следах некогда продуктивной системы (см. 2.2.3).

2.3.2. В китайском языке функцию именных классификаторов выполняют счетные слова; однако они начинают более или менее широко применяться только в позднедревнекитайский период, а в классическом древнекитайском еще практически отсутствуют. Таким образом, в классическом древнекитайском качественные именные классификации никакого формального выражения не имели.

2.3.3. Категория числа в Д.я. отсутствует. При необходимости специально выразить значение множественности используются кванторные служебные слова, занимавшие позицию атрибута к имени (凡 *bram /fán/*, 諸 *ta /zhū/* 'весь, все') или к глаголу (俱 *ko /jù/* 'вместе', 皆 *krāj /jiē/* 'целиком, полностью', 各 *krāk /gè/* 'каждый'), а также числительные.

В позднем классическом языке в качестве особых показателей множественного числа (чаще всего при личных местоимениях) начинают использоваться слова 屬 *dok /shū/*, 曹 *zū /cāo/*, 等 *tān /děng/* (исходное значение — 'группа', 'категория'), которые уже можно рассматривать как несамостоятельные суффиксальные морфемы. Таким образом, зачатки появления категории множественного числа можно датировать эпохой Хань.

2.3.4. Категория падежа в Д.я. также отсутствует. Отношения актантов между собой и с предикатами выражаются посредством порядка слов и служебных слов (см. ниже). Единственный фрагмент древнекитайской системы, где можно усмотреть специальное (супплетивное) выражение падежных отношений — это система личных местоимений. В классическом языке для некоторых из них можно выделить три «падежные» формы: субъектную, объектную и атрибутивную (притяжательную). Ср.:

субъект	吾 ŋhā /wú/	汝 nhá /rǔ/	Ø
		若 nhak /ruò/	
		爾 nhéj /ěr/	
объект	我 ŋhāj /wǒ/	汝, 若, 爾	之 tə /zhī/
атрибут	吾, 我	乃 nhá /nǎi/	其 gə /qí/
		而 nhə /ér/	

Впрочем, строго принцип противопоставления этих трех форм выдерживается только в 3 л.; для местоимений 1 и 2 л. наблюдаются более или менее частые колебания в употреблении различных форм.

2.3.5. Значения, соответствующие значениям наклонений, передаются либо союзами (см. ниже), либо знаменательными (модальными) предикатами, либо не передаются вообще. Значение переходности / непереходности также не имеет формального выражения (хотя в отдельных случаях переходные предикаты отличаются от непереходных с помощью чередования по глухости/звонкости начальных согласных корня, см. 2.2.3). Наконец, версионные значения (возвратность, взаимность) в Д.я. передаются специальными местоименными наречиями 自 *zì* /zì/, 相 *shāng* /xiāng/ (см. ниже).

2.3.6. Дейктические категории в Д.я. развиты чрезвычайно слабо. Значение категории лица в случае необходимости передается личными местоимениями. Для выражения значения категории определенности / неопределенности какие-либо специальные средства отсутствуют. Время также, как правило, эксплицитно не выражается: в случае необходимости уточнить время действия используются служебные глаголы 既 *kəc* /jì/ 'закончить', 已 *láy* /yǐ/ 'закончить, завершить', 嘗 *day* /cháng/ 'пробовать', 將 *caŋ* /jiāng/ 'собираться' (см. ниже). Общий дейксис осуществляется посредством указательных местоимений (см. ниже); пространственный и временной дейксис — при помощи соответствующих знаменательных слов. Отрицание выражается при помощи отрицательных наречий (см. ниже).

2.3.7. Вопрос о частях речи в Д.я. вызывает большие споры, поскольку какие-либо морфологические критерии для их выделения отсутствуют. Если попытаться дать чисто синтаксическую классификацию слов Д.я., то она будет выглядеть следующим образом.

А) Слова, которые не могут выступать в качестве членов предложения. Сюда относятся частицы, оформляющие высказывание, и показатели синтаксических отношений. В классическом Д.я. имеются следующие частицы:

也 *lhiáj* /yě/ — конечная частица, маркирующая завершение высказывания (или тематической придаточной фразы) и одновременно подчеркивающая *статичность* обозначенного в нем действия,

в связи с чем часто выступает в эквативной функции (смысл 'А = В' обычно передается в Д.я. как 'А В *lhiáj*');

矣 *há /yǐ/* — конечная частица, также маркирующая завершение высказывания и одновременно подчеркивающая *рема́тичность* предиката (часто определяется как маркер изменения состояния); по своей функции антонимична *lhiáj*, ср.: 盡美矣, 未盡善也 *zín mǎj há, mǎc zín dǎn lhiáj /jìn měi yǐ, wèi jìn shàn yě/* 'она /музыка/ уже полностью прекрасна [+ *há*], но еще не полностью добродетельна' [+ *lhiáj*];

夫 *ba /fú/* — конечная восклицательная частица, вносящая значение сожаления ('увы!');

乎 *wā /hú/* — конечная частица, обозначающая общий и риторический вопрос. При наличии в предложении наречия 其 *gǎ /qí/* сообщает последнему значение восклицания (без вопроса). В сочетании с предшествующей частицей 也 *lhiáj* приобретает вид 與 *lha /yú/* или 邪 *lhia /yé/*. Если предложение заканчивается местоимением 之 *tā /zhī/*, происходит слияние *tā + wā > 諸 tā /zhū/*;

耳 *nhá /ér/* — конечная ограничительная частица ('и только'; исторически, вероятно, восходит к стяжению 而已 *nǎ + lá*, букв. 'и (оно) заканчивается', которое часто встречается в текстах и само по себе);

哉 *cā /zāi/* — конечная восклицательная частица.

Конечные частицы *lhiáj, há, cā* (< докласс. *lhiáj?, há?, cā*) появляются в древнекитайских памятниках начиная с VII в. до н. э.; в ранних надписях они полностью отсутствуют. Частицы *ba, wā, lha/lhia, nhá* появляются только в классических текстах. В постклассическом древнекитайском сохраняются только частицы *zhǎ* (< *lhiáj*), с вопросительным вариантом *zhǎ* (< *lhia*), и *nhí* (< *nhá*). Вместо вопросительной частицы обычно используется отрицание 否 *pǎw < pǎ /fǒu/*.

К показателям синтаксических отношений в классическом Д.я. относятся:

之 *tā /zhī/* — показатель атрибутивного отношения 2.3 (см. ниже), ставится после определения перед определяемым;

而 *nǎ /ér/* — показатель сочинительно-противительного отношения между предикатами. После редуцированных предикатов (с экспрессивным значением) может иметь морфологический вариант 然 *nan /rán/*;

抑 *ǎk /yì/* 'или' — показатель разделительной связи между предикатами.

Показателями сочинительной связи между актантами можно в определенном смысле считать служебные слова 及 *gǎp /jǐ/*, 與 *lá /yú/*. Впервые в этой функции они начинают употребляться в классический

период (в архаических и ранних доклассических текстах вместо них обнаруживается союз 逕 *lāp /tâ/*), а в историческом плане обнаруживают прозрачную связь со знаменательными словами: 及 *gəp /tzi/* 'достигать', 與 *lá /yü/* 'быть вместе с; давать', 逕 *lāp /tâ/* 'приходить, достигать').

Атрибутивная связь в архаическом Д.я. еще не маркировалась никакими служебными словами (по крайней мере, в письменных формах языка). В доклассический период в этой функции начинает употребляться атрибутивная форма местоимения 3 л. 厥 *k^wat /jué/* ('его'), а также объектная форма того же местоимения — 之 *tə /zhī/* (последний факт в типологическом отношении довольно странен; не исключено, что объектное местоимение *tə* и показатель атрибутивной связи *tə* — исторически все-таки разные, хотя и омонимичные морфемы). В классический период форма *k^wat* исчезает, и *tə* становится единственным показателем атрибутивной связи.

В постклассический период синтаксические показатели *tə* и *nə* снова выходят из употребления (по-видимому, в результате фонетической редукции).

В) Слова, выступающие в качестве членов предложения (т. е. в качестве актантов, атрибутов и предикатов). Эти слова распадаются на следующие группы:

В.1) Слова, выступающие в любой синтаксической функции. Сюда относятся практически все т. н. «знаменательные» слова (соответствующие по значению существительным, прилагательным, глаголам, числительным и наречиям европейских языков). Попытки классификации этих слов по «частям речи» в основном исходят из семантических и статистических соображений: слова с предметным или личностным значением («имена») чаще употребляются в функции актантов, слова со значением действия или состояния («глаголы») — в функции предикатов. Когда эта зависимость нарушается (что возможно практически для любого слова), говорят о «необычном употреблении частей речи»: «имена» в функции предиката приобретают либо стативное значение («являться чем-л. / кем-л.»), либо каузативное или путативное («делать / считать чем-л. / кем-л.»), а «глаголы» в функции актантов — значения, примерно соответствующие значениям абстрактных существительных.

Вне зависимости от того, является ли для того или иного слова «основной», т. е. наиболее частотной, именная или глагольная характеристика, корректное построение словаря Д.я. требует по отдельности фиксировать случаи его употребления в актантной и предикативной (а также, по-видимому, определительной и обстоятельственной) функциях. При таком подходе обнаруживается, что знаменатель-

ные слова Д.я. по семантико-синтаксическим характеристикам распадаются на два больших класса, которые можно назвать соответственно «экзоактивными» и «эндоактивными» (оппозиция впервые описана американским синологом Дж. Чикоски, который называл соотв. типы слов «нейтральными» и «эргативными»).

«Экзоактивные» слова в предикативной функции при наличии объекта обозначают переходное действие, а при отсутствии объекта обозначают результат этого действия (или состояние), характеризующий субъект. Таким образом, если обозначить «экзоактивное» слово как X, логический субъект действия — как A, а логический объект — как B, то поведение экзоактивных слов в функции предикатов можно описать с помощью простой трансформации

$$A X B \rightarrow B (X)$$

где первую часть можно истолковать как 'A подвергает B действию X', а вторую — как 'B испытывает действие X'.

К этому классу относится большинство слов, соответствующих по значению:

— предметным существительным: 罟 *mhán /wǎng/* 'сеть': A *mhán* B 'A ловит B в сеть', B *mhán* 'B пойман в сеть';

— названиям лиц: 王 *whan /wáng/* 'царь': A *whan* B 'A делает B царем', B *whan* 'B царствует';

— прилагательным: 小 *séw /xiǎo/* 'маленький, нечто малое': A *séw* B 'A уменьшает B' (каузатив) или 'A считает B маленьким, преуменьшает (значение) B' (путатив), B *séw* 'B — маленький';

— числительным: 一 *ʔit /yī/* 'одна (вещь)': A *ʔit* B 'A объединяет B', B *ʔit* 'B одно (едино)';

— переходным глаголам: 殺 *srāt /shā/* 'убийство': A *srāt* B 'A убил B', B *srāt* 'B убит'.

Оказываясь в функции определения к актантау, «экзоактивные» слова, соответствующие по значению существительным, прилагательным и числительным, определяют свой логический объект: 王國 *whan kwāk /wáng guó/* 'государство царя' (не *'государство, делающее царем'); 小臣 *séw ghin /xiǎo chén/* 'мелкий слуга, придворный' (не *'принижающий слуга'); 一人 *ʔit nin /yī rén/* 'один человек' (не *'объединяющий человек').

Однако если «экзоактивное» слово по своей семантико-синтаксической характеристике является переходным глаголом, постановка его в позицию определения оказывается затруднительной; конструкция типа 食粟 *lāk shok /shí sù/* в значении *'съеденное просо' теоретически возможна, но формально неотличима от глагольной синтагмы

'съесть просо; съедение проса'. Для избежания двусмысленности в этом случае «экзоактивное» слово оформляется рамочной конструкцией со служебным глаголом 所 *srá /suǒ/* 'подвергаться' (см. ниже) и (факультативно) показателем атрибутивности 之 *tə /zhī/*: 所食(之)粟 *srá lək tə shok /suǒ shí (zhī) sù/* 'съеденное просо' (букв. 'просо, подвергнутое съедению').

К «экзоактивным» словам относятся также модальные предикаты 可 *khâj /kě/* 'быть возможным', 足 *cok /zú/* 'быть достаточным, стоящим', 易 *leh /yì/* 'быть легким', 難 *nān /nán/* 'быть трудным'. В сочетании с объектом X, который может быть выражен только словом с глагольным значением, они приобретают значение 'делать X возможным' = 'давать возможность X' и т. п. Например:

王可弑 *whaŋ khâj λəh /wáng kě shì/* 'Царь дает возможность (себя) убить' = 'Царь может быть убит (царя можно убить)';

子足愛 *cá cok ?āc /zǐ zú ài/* 'Сын делает стоящим любовь (к себе)' = 'Сын стоит того, чтобы быть любимым (сын заслуживает любви)';

士易得 *zrǎ leh tāk /shì yì dé/* 'Ученый муж делает легким (свое) получение' = 'Ученого мужа легко заполучить' и т. п.

Таким образом, эти модальные предикаты как бы меняют диатезу высказывания, придавая управляемым ими экзоактивным словам пассивное значение.

«Эндоактивные» слова в предикативной функции сохраняют одно и то же значение, как при наличии объекта, так и при его отсутствии. Сюда в первую очередь относятся слова, соответствующие по значению глаголам движения, пребывания, аффективным глаголам, а также слова, обозначающие физиологическое действие или состояние. Ср.: А 入 *nəp /rù/* 'А вошел', А *nəp* В 'А вошел в В'; А 在 *zhǎ /zài/* 'А (находится) на месте', А *zhǎ* В 'А находится в В'; А 恐 *khóŋ /kǒng/* 'А боится', А *khóŋ* В 'А боится В'; А 避 *beh /bì/* 'А укрывается, спасается', А *beh* В 'А укрывается / спасается от В' и т. п.

В актантной функции такие слова обычно имеют значения, соответствующие абстрактным существительным ('вхождение', 'пребывание', 'страх, боязнь', 'спасение'); в определительной функции (соответствуя по значению активным причастиям) встречаются исключительно редко во избежание синтаксической двусмысленности (сочетание 恐人 *khóŋ nin /kǒng rén/* в тексте, скорее всего, будет означать 'бояться людей', а не *'боящийся человек').

В позиции синтаксического объекта к «эндоактивным» предикатам чаще всего оказываются их логические актанты (入門 *nəp mǎn /rù mén/* 'войти в ворота', 避死 *beh sǐ /bì sǐ/* 'избежать смерти' и т. п.), но при отдельных предикатах типовой объект может оказаться и логи-

ческим сирконстантом; так, «эндоактивный» предикат 死 *sij* 'умирать' в сочетании с объектом регулярно имеет значение 'умирать где-л.' или 'умирать за что-л.' (ср. 死國 *sij kwāk /sǐ guó/* 'умереть за страну').

К «эндоактивным» следует относить также такие модальные предикаты, как 能 *nā /néng/* 'мочь, быть в состоянии', 欲 *lhok /yù/* 'хотеть', 敢 *kám /gán/* 'смечь', обычно употребляющиеся с дополнением, обозначающим действие или состояние, и в любых контекстах в предикативной функции сохраняющие свое значение.

Единственный способ «экзоактивировать» эндоактивный предикат в Д.я. — постановка его в зависимость от модального экзоактивного предиката, что придает ему такой же пассивный оттенок значения, как и экзоактивным предикатам в этой позиции. Ср.: 門可入 *mān khǎj nǎp /mén kě rù/* букв. 'Ворота дают возможность быть войденными' = 'В ворота можно войти', при этом фраза *門入 *mān nǎp* '*В ворота вошли' в Д.я. невозможна (единственным возможным значением здесь могло бы быть '*ворота вошли').

В архаическом Д.я., по-видимому, регулярным морфологическим средством «экзоактивизации» эндоактивных слов был суффикс *-s* (в одной из своих многочисленных функций): 子 *cá /zǐ/* (из докласс. *cǎ?*) 'сын; быть сыном' → *cǎ-h /zǐ/* (из докласс. *cǎ-s*) 'считать кого-л. сыном, относиться как к сыну'; 恐 *khón /kǒng/* (из докласс. *khon?*) 'бояться (кого-л.)' → *khon-h /kòng/* (из докласс. *khon-s*) 'пугать, устрашать кого-л.'. Уже в классическом Д.я. этот способ утратил продуктивность, и в ряде случаев можно наблюдать, как одно и то же слово может входить в оба класса без формальных изменений. Следует, однако, учитывать, что по крайней мере за некоторыми из этих случаев может стоять омография, неопознаваемая эксплицитно из-за того, что составленные в более позднюю эпоху фонетические словари передают только одно чтение иероглифа из двух реально существовавших. Еще одно возможное объяснение — диалектные различия, при которых один и тот же предикат может быть экзоактивным в языке одного памятника, но эндоактивным в языке другого.

Различие между «эндоактивными» и «экзоактивными» словами постепенно перестает играть роль, начиная с раннеханьского периода (уже в языке Сыма Цяня оно прослеживается лишь с большим трудом). Однако возникновение частей речи в собственном смысле этого слова в Д.я., по-видимому, можно датировать только постклассическим периодом. Именно в это время возникают специальные морфологические различия между именами и предикативами (именной префикс 阿 *?ā /ā/*; именные суффиксы 子 *cǎ /zǐ/*, 頭 *dhou /tou/* и др.; счетные слова; составные предикативы), а синтактико-семантические различия между экзоактивными и эндоактивными словами окончательно утра-

чивают свое значение в связи с развитием категорий залога и косвенного (предложного) объекта.

В.2) Слова, имеющие дефектную синтаксическую парадигму, т. е. принципиально неспособные выполнять те или иные синтаксические функции. Это т. н. «служебные слова». Их можно подразделить на следующие подклассы:

В.2.1) Слова, выступающие только в функции актантов и атрибутов. Это в первую очередь местоимения:

1) 吾 *nhā /wú/* (субъект, атрибут), 我 *nhāj /wǒ/* (субъект, объект, атрибут) 'я, мы'. В архаическом Д.я. и в ранний доклассический период использовалась только форма *nhāj?* (> *nhāj*); форма *nhā* в текстах появляется начиная с VI в. до н. э.;

2) 予, 余 *La /yú/* (субъект, объект), 朕 *Lhāj /zhèn/* (атрибут) 'я, мы'. Группы 1 и 2, по-видимому, первоначально были противопоставлены по признаку инклюзивности (группа 1) / эксклюзивности (группа 2), однако уже в доклассическом Д.я. они постоянно смешиваются, а, начиная с классического периода, формы группы 2 постепенно выходят из употребления, за исключением 朕 *Lhāj*, за которой закрепляется специальная стилистическая функция — т. н. «императорское 'я'» (употребляется только в официальной стилистике в высказываниях от лица верховного правителя);

3) 汝 *nhá /rǔ/*, 若 *nhak /ruò/*, 爾 *nhé /ě/* (субъект, объект), 乃 *nhǎ /nǎi/*, 而 *nhə /ér/* (атрибут) 'ты, вы'. Все формы восходят к одному и тому же корню, отражая его сочетания с различными «окаменевшими» суффиксами. Начиная с середины классического периода, форма *nhé* вытесняет формы *nhǎ*, *nhə* в атрибутивной функции, но при этом сама перестает употребляться в функции объекта. В постклассическую эпоху происходит унификация и во всех функциях сохраняется только форма *nhó* (< *nhá*);

4) Ø (субъект), 之 *tə /zhī/* (объект), 其 *gə /qí/* (атрибут) 'он, она, оно, они'. В архаических текстах формы 3 л. не засвидетельствованы. В раннем доклассическом языке появляется объектная форма *tə* и атрибутивная форма 厥 *k^wat /jué/*; уже в позднем доклассическом наряду с *k^wat* начинает употребляться *gə*, оставшееся единственной формой в классическом языке. В постклассическую эпоху в субъектной функции начинают употребляться слова 伊 *ʒji /yī/*, 渠 *go /qú/*, со временем вытесняющие также и формы *tə* > *ci*, *gə* > *gi* в объектной и атрибутивной функциях. Однако и эти слова существуют недолго; начиная со среднекитайского периода, основным местоимением 3 л. постепенно становится 他 *thā /tuō, tā/* (< *lāj* 'другой');

5) 他 *lāj /tuō/* (объект, атрибут) 'другой, нечто другое, по-другому';

6) 是 *dé /shì/* (субъект, объект, атрибут) 'этот, это' (о чем-л./ком-л. упомянутом выше). В субъектно-объектной функции имеет ярко выраженный эмфатический характер ('именно этот/он...'), что, в частности, обуславливает частотность конструкций типа X 是 Y 'X — это (именно) Y' и, в конечном итоге, трансформацию этого слова из указательного местоимения в связку — предикат эквивалентности (начиная с постклассического периода);

7) 此 *ché /cǐ/* (субъект, объект, атрибут) 'этот, здесь' (о чем-то, находящемся вблизи от говорящего);

8) 斯 *se /sī/* то же (различие между *ché* и *se* не вполне ясно; в некоторых диалектах для 斯 *se* можно предполагать оттенок результативности 'это (значит, что...)'/);

9) 彼 *páj /bǐ/* (субъект, объект, атрибут) 'тот, там' (об объекте, находящемся вдали от говорящего; антоним к 此 *ché*).

Из указательных местоимений в архаических и ранних доклассических текстах встречались только 茲 *cā /zī/* 'этот' и 他 *slāj* (класс. *lāj*) /*tuō/* 'тот, другой'. Уже в позднем доклассическом языке форма *cā* выходит из употребления, заменяясь на *de?* (класс. *dé*), *se*; тогда же в текстах появляется и антонимичная пара *chej?* (> *ché*) — *paj?* (> *páj*). Эта ситуация сохраняется вплоть до постклассического периода, когда (*dé* >) *zé*, (*se* >) *sje* перестают употребляться в качестве местоимений, (*lāj* >) *thā* начинает играть роль местоимения 3 л., и из собственно указательных местоимений сохраняются только 此 (*ché* >) *chjé*, 彼 (*páj* >) *pé*;

10) 己 *ká /jǐ/* 'себя, свой' (объект, атрибут) — возвратное местоимение, кореферентное подлежащему главного предложения;

11) 者 *tiá /zhě/* 'тот, который...' — относительное местоимение, выступает только в качестве актанта. Оно зафиксировано только начиная с позднего доклассического периода (*tia?* > *tiá*);

12) 誰 *dwāj /shuí/* — вопросительное местоимение 'кто?';

13) 何 *ghāj /hé/*, 奚 *ghē /xī/*, 胡 *ghā /hú/* — различные (диалектальные) разновидности вопросительного местоимения 'что? какой? куда, почему?' (наиболее употребительна первая форма).

В архаических текстах вопросительные местоимения отсутствуют (по-видимому, ввиду специфики текстов). В ранних доклассических текстах употребляются вопросительные местоимения 疇 *dru /chóu/* 'кто' и 曷 *ghāt /hé/* 'что', однако уже в позднем доклассическом они вытесняются формами *duj* (> *dwāj*), *ghā* и *ghāj*;

14) 諸 *ta /zhū/* — кванторное местоимение 'весь, все' (имеет только атрибутивную функцию);

15) 每 *mǎ /měi/* — кванторное местоимение 'каждый' (также

только в атрибутивной функции).

В.2.2) Слова, выступающие только в функции определения к предикату (обстоятельства). Их можно назвать «служебными наречиями». В предложении они занимают место строго после субъекта перед предикатом. Сюда относятся:

а) Утвердительные служебные наречия:

1) 乃 *nhǎ /nǎi/* 'тогда; после этого; оказалось, что ...' (подчеркивает хронологическую последовательность действий). Встречается уже в самых ранних текстах архаического периода. В поздних классических текстах появляется также служебное слово 即 *cjək /ji/* с теми же значениями, а в постклассическом языке — 便 *bjèn /biàn/*;

2) 又 *wəh /yòu/* 'к тому же, кроме того, опять' (также встречается уже в самых древних текстах);

3) 亦 *lhiak /yì/* 'тоже, также; опять-таки';

4) 尚 *danh /shàng/* 'более того, даже';

5) 其 *gə /qí/* 'пусть, давайте'. Придает сказуемому повелительный или пожелательный оттенок; при наличии конечной частицы 乎 *wā /hú/* — эмфатически-восклицательное значение. В архаическом языке гадательных надписей 其 *gə* имеет гораздо более широкое применение, появляясь перед сказуемым в самых разных контекстах, но точный оттенок значения, который оно придает высказыванию, остается неизвестным;

6) 苟 *kó /gǒu/* 'любым способом, лишь бы только'; в составе уступительного придаточного часто может переводиться как 'если (бы)';

8) 且 *chiá /qiě/* 'к тому же, кроме того'; начиная с доклассической эпохи, часто используется в качестве союза, связывающего однородные предикаты;

9) 徒 *dā /tú/* 'только';

10) 蓋 *kāc /gài/* 'кажется, вероятно, по слухам';

11) 俱 *ko /jù/* 'вместе, совместно';

12) 皆 *krāj /jiē/* 'весь, все'. Конструкция А *krāj* В означает 'для всех А верно, что В' или 'для А верно, что он сделал все В', в зависимости от общего семантического контекста. Слово впервые зафиксировано в позднем доклассическом языке, являясь аналогом ранее использовавшихся в этой же функции 咸 *grām /xián/* и 率 *sruć (> srwéc) /shuài/*. В архаическом Д.я. ни одно из этих слов не засвидетельствовано.

В позднем классическом языке синтаксическая омонимия, связанная с возможностью 皆 *krāj /jiē/* характеризовать как субъектную, так и предикативно-объектную группу предложения, снимается, т. к. в конструкции 'для А верно, что он (сделал) все В' начинает использоваться новое служебное слово 悉 (*sit >*) *sjət /xī/* (ранее — знамена-

тельное слово 'исчерпывать'). В некоторых постклассических диалектах, однако, оба эти слова оказываются взаимозаменяемыми в обеих функциях, равно как и третий, совсем поздний, вариант — 都 *tō /dōu/*;

13) 各 *kāk /gè/* 'каждый'. Конструкция А *kāk* В означает 'для каждого (отдельно взятого) А верно, что В', т. е. слово можно рассматривать как дистрибутивный эквивалент 皆 *krāj /jiē/*;

14) 自 *zì /zì/* 'самостоятельно; себя' (корреферентно с субъектом определяемого предиката). В поздний классический период частично вытесняется словом 親 *shjān /qīn/* (докласс., класс. *shān* 'близкий, родственник, родственник');

15) 相 *shā /xiāng/* 'взаимно, друг друга'. Начиная с эпохи Хань, слово регулярно употребляется также в функции показателя направленности действия на объект (развитие аналогично русск. -ся в глаголах типа *кусаться*).

Последние два слова иногда называют местоимениями или даже показателями залогов, однако по своим синтаксическим свойствам они ничем не отличаются от наречий, перечисленных выше.

б) Отрицательные и запретительные служебные наречия:

1) 不 *pə /bù/* 'не' (отрицание). Фонетически сливаясь с последующим объектным местоимением 3-го л. 之 *tə /zhī/*, приобретает вид 弗 *pət /fú/*. Данное стяжение, однако, выражается графически далеко не в каждой из канонических версий дошедших до нас памятников Д.я., и во многих случаях понять, что за знаком 不, обычно передающим отрицание *pə*, на самом деле скрывается стяжение *pə + tə → pət* 'не... его', можно только из синтаксического анализа контекста.

Помимо этого, отрицание 不 *pə*, соединяясь с доклассической эмфатической связкой 唯 *wij /wéi/*, приобретало вид 非 *pəj /fēi/*. Хотя сама связка 唯 *wij* в классическом языке изменила свои функции (см. ниже), а ее роль во многом перешла к «статическо-эквативной» частице 也 *lhiáj* (см. выше), отрицание *pəj* в конструкции А *pəj* В 'А ≠ В' сохранилось.

Производным от служебного наречия *pə* является «местопредикатив» 否 *pə /fǒu/* (← докласс. *pəʔ*) 'не быть (таковым), не делать (вышеназванное действие)', часто использующийся и в качестве самостоятельного отрицательного предложения со значением 'нет'.

Стяжение вопросительного местоимения 何 *ghāj /hé/* (или 胡 *ghā /hú/*) с отрицанием *pə* давало вопросительно-отрицательное наречие 盍 *ghāp /hé/* 'почему (бы) не...?'.
В архаическом Д.я. засвидетельствованы две формы отрицания: 不 *pə* и 弗 *pət*, хотя различие между ними в этот период неясно (они как будто бы свободно взаимозаменяемы, причем 弗 *pət* архаического Д.я.

не следует путать с классическим стяжением 弗 *pət* ← *pə-tə*, описанным выше). Стяжение 非 *pəj* появляется только в доклассический период, а 盍 *ghāp* — в классический.

По-видимому, в разговорном языке наряду с *pə* 'не' на всем протяжении развития Д.я. сохранялся также и вариант *pət* (в литературном классическом языке *pət* — почти всегда стяжение). Это видно из того, что современная форма отрицания в китайском языке /*bù*/ восходит именно к форме *pət* (классическому *pə* должно было бы соответствовать произношение **fōi*, ср. современное «литературное» чтение *fōi* для вышедшего из активного употребления местопредикатива 否 *pə*).

Отрицательная связка *pəj* > *pwəj* сохранялась вплоть до среднекитайского периода;

2) 無, арх. 毋 *ma* или *mə* /*wù*/ 'не' (запрещение). Сливаясь с последующим местоимением 之 *tə* /*zhī*/, приобретает вид 勿 *mət* /*wù*/ (В архаическом Д.я. 毋 *mə* и 勿 *mət* взаимозаменяемы, аналогично отрицаниям 不 и 弗, см. выше).

Это наречие в принципе можно рассматривать как специализированное употребление служебного глагола 無 *ma* /*wù*/ 'не иметь' (см. ниже). Оно просуществовало вплоть до постклассического периода, после чего заменилось на 莫 *māk* /*mò*/ (бывшую дистрибутивную форму отрицательного глагола);

в) Вопросительные наречия:

1) 焉 *ʔan* /*yān*/, 安 *ʔān* /*ān*/, 惡 *ʔā* /*wū*/ 'где, куда, откуда, от кого и т. п.' (возможно, старые диалектальные варианты). Не исключено, что в двух первых случаях налицо сложения служебного глагола 於 *ʔa* /*yú*/ (см. ниже) с каким-то исчезнувшим вопросительным местоимением; что касается формы 惡 *ʔā* /*wū*/, то она может представлять собой стяжение из 於 *ʔa* /*yú*/ + 胡 *ghā* /*hú*/ (см. ниже). В постклассический период эти вопросительные наречия заменяются словом 那 *nā* /*nuó*/;

2) 豈 *kháj* /*qǐ*/ 'разве' (показатель риторического вопроса);

3) 寧 *nēŋ* /*níng*/ 'разве' (используется также в утвердительных предложениях со значением 'лучше уж...').

В.2.3) Слова, выступающие только в функции предикативов и атрибутов (но не актантов). Это — служебные глаголы, на практике часто отождествляемые с «союзами» или «предлогами». Их можно разделить на несколько групп:

В.2.3.3) Глаголы, управляющие всем предложением или предикативной группой (аналог союзов). Когда они стоят перед предикатом после субъекта (или при опущенном субъекте), в формальном плане их бывает трудно отличить от наречий группы В.2.2.а; основное отличие заключается в том, что «союзные глаголы»

вводят несамостоятельное придаточное предложение, за которым обязательно должно следовать главное. Сюда относятся:

1) 及 *gəp /ji/* 'когда...; к тому моменту, как...'. Союз является специализированным употреблением знаменательного слова 及 *gəp /ji/* 'достигать, доходить до...' (ср. выше о его употреблении в качестве показателя сочинительной связи между актантами);

2) 如 *na /rú/* 'если...'. Специализированное употребление знаменательного слова 如 *na /rú/* 'быть похожим на...; быть таким, как...'. Употребляется также в морфологически производной форме 若 *nak /ruò/*, как будто бы без всякого различия по смыслу;

3) 使 *srá /shǐ/* 'если...; предположим, что...'. Специализированное употребление знаменательного слова 使 *srá /shǐ/* 'посылать' (употребляющегося также для образования каузативной конструкции);

4) 雖 *shwəj /suī/* 'даже если...; хотя...'.
В составе образуемого ими придаточного предложения сами эти союзы в принципе факультативны (соответствующие связи между предложениями — особенно временная и условная, сильно реже уступительная — могут выражаться и простым соположением).

Система союзов в том виде, в котором она обнаруживается в литературных памятниках в конце доклассического периода, сформировалась в китайском языке довольно поздно; это видно не столько из отсутствия ее в архаическом языке (что могло быть просто обеспечено спецификой текстов), сколько из того, что почти все «союзы» еще сохраняют прозрачную этимологическую связь с соответствующими знаменательными словами.

В.2.3.4) Глаголы, способные управлять темой высказывания. Поскольку тема в Д.я. обычно стоит в начале предложения (см. ниже), эти слова часто называют «начальными частицами» (хотя в некоторых исключительных случаях они могут занимать и неначальное место в предложении). В отличие от глаголов предыдущей группы, эти слова могут управлять как всем предложением в целом, так и отдельно его тематической частью. Сюда относятся:

1) 唯 *wij /wéi/* 'только'. В архаическом и раннем доклассическом языке этот предикат имел эмфатическое значение ('(быть) именно...'), управляя рематическим компонентом фразы. Специализация его в ограничительном значении '(быть) только' и переход в категорию «тематических частиц» имеет место лишь в поздний доклассический период;

2) 凡 *bram /fán/* 'всегда, всякий; каждый раз, когда...' (кванторное слово);

3) 夫 *ba /fú/* 'известно, что...; ведь...';

4) 微 *māi* /wéi/ 'если бы не...' (исторически, по-видимому, сложение отрицательного глагола 無 *má* /wú/ с 唯 *wéi* /wéi/).

Функцию «тематических частиц» в редких случаях могут также выполнять глаголы группы В.3.б 若 *nak* /ruò/ (в значении 'что касается...') и 雖 *shwāj* /suī/ (в значении 'даже...').

В.2.3.5) Глаголы, управляющие рематической частью высказывания (предложения). К этой группе, собственно, относится одно слово: 則 *cāk* /zél/ 'следовательно...; значит...; оказалось, что...'. Оно встречается в текстах, начиная с раннего доклассического периода, и является специализированным употреблением знаменательного слова 則 *cāk* /zél/ 'закон, правило; следовать, подражать, уподобляться'. Однако в классический период *cāk* в функции знаменательного слова уже не встречается.

В ряде классических текстов с тем же значением, что и у *cāk*, употребляется слово 斯 *se* /sī/ (собственно, местоимение 'этот' в обстоятельственной функции — 'поэтому').

В.2.3.6) Глаголы, управляющие только предикативной группой. В этой функции они формально весьма сходны с наречиями, но по некоторым признакам (в частности, по позиции сочетающихся с ними отрицательных наречий) могут быть от них отделены. Это служебные глаголы, функционирующие как временные и диатезные показатели:

1) 既 *kác* /jì/, 已 *lá* /yǐ/ — показатели завершенности действия (перфекта) или действия, предшествующего другому действию. Оба являются специализацией знаменательных слов со значением 'закончить, завершить'. Хронологически 既 *kác* /jì/ является более ранним вариантом, характерным для доклассического языка; в классический период он активно вытесняется новым показателем 已 *lá* /yǐ/, а сам специализируется скорее в функции выражения плюсквамперфекта, приобретая значение 'после того, как...; раз (уж), поскольку...' и переходя в разряд В.2.3.3.

Слияние отрицания 無 *má* /wú/ с 既 *kác* /jì/ давало отрицательную форму 未 *mác* /wèi/ 'еще не...; никогда не...';

2) 將 *caj* /jiāng/ — показатель будущего времени, намерения или ожидания; развивается из знаменательного предиката со значением 'собираться, намереваться' (соответственно, возможно и его употребление для обозначения и намерения, существовавшего в прошлом);

3) 嘗 *daŋ* /cháng/ — показатель давно прошедшего времени; специализированное употребление слова 嘗 *daŋ* /cháng/ 'пытаться, пробовать';

4) 見 *kēnh* /jiàn/ — показатель пассивной диатезы; специализированное употребление знаменательного слова 見 *kēnh* /jiàn/ 'видеть';

5) 所 *srá /suǒ/* 'тот, которого...', 'то, что...'. Это слово обычно рассматривают в качестве относительного местоимения, чему, однако, резко противоречит его позиция: перед определением, а не после него (что было бы нормальным для относительного местоимения, такого, как 者 *tiá /zhě/* 'тот, кто...', 'то, что...': ср. 知者 *tre tiá* 'тот, кто знает; знающий', но 所知 *srá tre* 'то, что знают; известное').

У слова *srá* много общего с такими модальными экзоактивными словами, как 可 *kháj /kě/* 'быть возможным', 難 *nān /nán/* 'быть трудным' и др. (см. выше). Так, если значение конструкции А *kháj* X можно описать как '(существование) А каузирует возможность осуществления действия X над А' или 'А подвергается возможности осуществить действие X', то значение атрибутивной конструкции *kháj* X (*tə*) А описывается как 'А, который подвергается возможности X' (= 'А, который можно X').

Конструкция *srá* X (*tə*) А, в свою очередь, переводится как 'А, который подвергается X' и является, таким образом, полностью аналогичной конструкциям с модальными экзоактивными словами, а общее значение слова 所 *srá /suǒ/* можно выразить как 'подвергаться'. Следовательно, слова, следующие во фразе за *srá*, являются не постпозитивным определением, а управляемой предикативной группой.

При этом, однако служебный глагол 所 *srá /suǒ/*, в отличие от слов типа 可 *kháj /kě/* 'быть возможным', обладает дефектной синтаксической парадигмой: конструкция с *srá* встречается только в актантной или атрибутивной функции. В собственно предикативной функции *srá* опускается (в этом случае значение пассива передается без всяких служебных слов или при помощи 見 *kēnh /jiàn/*).

В диахроническом плане следует отметить, что данная группа служебных глаголов в архаических текстах отсутствует. В доклассический период в служебной функции начинают употребляться слова 既 *kác /jì/*, 將 *caŋ (> caŋ) /jiāng/*, 所 *sra? (> srá) /suǒ/*, а также слово 肇 *Lhaw? /zhào/*, указывающее на начало действия (знаменательное значение: 'создавать, устраивать').

В классический период слово 肇 *Lhaw? (> Lháv) /zhào/* перестало употребляться в качестве служебного глагола, зато в служебной функции стали употребляться слова 嘗 *daŋ /cháng/* и 見 *kēnh /jiàn/*, а 既 *kác /jì/* вытеснилось синонимичным 已 *lá /yǐ/* (см. выше). В конце классического периода также появился показатель общего прошедшего времени 曾 *zēŋ /céng/*. Наконец, уже в постклассическую эпоху показатель пассива 見 *kēnh (> kiānh) /jiàn/* был вытеснен словом 被 *bhe /bèi/* (первоначально 'надевать' > 'подвергаться'), а в функции показателя будущего времени стали, наряду с 將 *caŋ /jiāng/*, употребляться

слова 欲 *lhok* (> *zhok*) /yù/ (первоначально 'хотеть') и 當 *tāŋ* /dāng/ (первоначально — модальный предикат 'подходить, соответствовать, быть достойным').

В.2.3.7) Служебные глаголы, способные управлять любым дополнением (не обязательно предикативной группой), но не предложением. Сюда относятся:

а) бытийные и кванторные служебные глаголы:

1) 有 *whá* /yǒu/ 'иметь(ся)' (а также специальная дистрибутивная форма 或 *whāk* /huǒ/ 'имеются такие, кто/что...'). Конструкция А *whá* В, в зависимости от значения актантов, может переводиться либо как 'А имеет В', либо как 'среди (у, в) А существует В'. Если В обозначает признак, свойственный кому-л. (чему-л.) из множества А, или действие / состояние кого-л. из множества А, то конструкция А *whá* В переводится как 'Среди А есть такой (такое), который В'. В таких случаях после В часто ставится относительное местоимение 者 *tiá* /zhě/ (А *whá* В *tiá*), либо же вместо *whá* используется производный от него дистрибутивный глагол 或 *whāk* /huǒ/ (А *whāk* В).

Слово 有 *whá?* (> *whá*) /yǒu/ засвидетельствовано уже в древнейших текстах; его дистрибутивный вариант 或 *whāk* /хо/ появляется позднее, в классический период;

2) 無 *ma* /wú/ 'не иметь' (дистрибутивная форма 莫 *māk* /mò/). Это слово является отрицательным коррелятом к 有 *whá* /yǒu/ (а 莫 *māk* /mò/, соответственно — к 或 *whāk* /huǒ/) и употребляется в тех же контекстах и конструкциях.

В архаическом языке отрицательной формой для 有 *whá?* /yǒu/ служило слово 亡 *maŋ* /wáng/, постепенно заменяемое в доклассическую эпоху на 無 *ma* /wú/. Параллельно (в конце доклассического периода) появилась дистрибутивная форма 莫 *māk* /mò/;

3) 如 *na* /rú/ 'быть похожим'. (В отрицательной форме предикат имеет несколько иное значение; конструкция А 不如 *pə na* /bù rú/ В, букв. 'А не похоже на В', переводится как 'В лучше А'). Глагол 如 *na* /rú/ также имеет производную форму 若 *nak* /ruò/, которая, однако, в классический период употребляется полностью синонимично 如 *na* /rú/ и «дистрибутивного» значения не имеет (в «дистрибутивной» функции употребляются словосочетания 或如 *whāk na* /huò rú/, 或若 *whāk nak* /huò ruò/, 莫如 *māk na* /mò rú/ и 莫若 *māk nak* /mò ruò/).

Вместо сочетания 如之 *na tə* /rú zhī/ 'подобно этому; таким образом, так' в большинстве памятников употребляется слитная форма 然 *nan* /rán/ (*na* + не сохранившаяся в самостоятельном употреблении местоименная основа *-nV*). В некоторых диалектах, однако,

встречается и неслитная форма.

В архаических текстах данный предикат представлен только формой 若 *nak /ruò/*, в доклассических, напротив, преимущественно 如 *na /rú/* (若 *nak /ruò/* употребляется в этот период в основном в качестве знаменательного слова со значением 'привести в соответствие, уподобить'). Начиная с классического периода, оба варианта употребляются в синонимичных контекстах. В позднем классическом языке в некоторых контекстах вместо 如 *na /rú/* употребляется форма 奈 *nāś /nài/*;

4) 猶 *lu /yóu/* 'быть похожим'. Имеет несколько более эмфатическое значение, чем 如 *na /rú/*, и употребляется (начиная с классического периода) в основном при сравнении ситуаций (A *lu* B = 'A все равно, что B' или 'если A — то все равно B'). Если субъект *lu* — не ситуация, а лицо, конструкция A *lu* B ('A похож на обладающего признаком B') может переводиться как 'даже A делает B' (или 'даже A обладает признаком B');

6) 孰 *duk /shú/* 'кто из?' (появляется в классический период). Конструкция A *duk* B означает 'Для кого/чего из A верно, что B?' Как по функции, так и по форме (ср. наличие того же суффикса *-k*, что и в 或 *whāk /huò/*, 莫 *māk /mò/*) 孰 *duk /shú/* представляет собой дистрибутивный служебный глагол. Однако соответствующая производящая основа (誰 *dwaj /shuí/* 'кто, чей?') является все же местоимением (см. В.1), а не вопросительным глаголом;

7) 爲 *waj /wéi/*. В общих чертах значение этого предиката можно определить как 'осуществлять какую-л. деятельность', конкретно же оно зависит от контекста: в сочетании с неодушевленным объектом данный предикат обычно переводится как 'делать, осуществлять' (ср. 爲政 *waj tēh /wéi zhèng/* 'осуществлять правление, править'), с одушевленным — как 'быть, являться (кем-л.)', причем второе значение исторически производно от первого (ср. 爲王 *waj waj /wéi wáng/* 'быть царем', букв. 'действовать по-царски, (как) царь'), но в классическом языке распространено столь широко, что предикат 爲 *waj* в этот период можно рассматривать как аналог глагола-связки.

Помимо этого, 爲 *waj* также часто встречается (начиная уже с доклассического периода) в составе конструкции 以 *lā /yǐ/* A *waj* B, букв. 'из A делать B' = 'считать A за B, считать A обладающим признаком B';

8) 使 *srá /shǐ/* 'каузировать'. Этот служебный глагол образует конструкцию A 使 *srá* B C 'A каузировал (каузирует) B сделать C'; исторически — специализированное употребление знаменательного слова 使 *srá /shǐ/* 'посылать';

б) служебные глаголы, вводящие логические сирконстанты. Эти

слова часто называют «предлогами», хотя они могут (правда, в классическом языке — уже очень редко) выступать в качестве самостоятельных предикатов и близки по своим синтаксическим свойствам к прочим служебным глаголам. Основное их синтаксическое отличие от прочих предикатов — то, что вступая в сочинительную связь с другим предикатом, они не имеют после себя (или перед собой) показателя сочинительно-предикативной связи 而 *nə /ér/*. К этой группе служебных глаголов относятся следующие:

1) 以 *lǎ /yǐ/* 'использовать', 'действовать при помощи'. Ср. в самостоятельном употреблении: 君若以力, 楚國方城以爲城 *kwən nak lǎ rək, Chra kwāk Paŋ deŋ lǎ waj deŋ /jūn ruò yǐ lì, Chǔ guó Fāng chéng yǐ wéi chéng/* 'Если господин применит силу, то горы Фанчэн государства Чу в результате (этого) станут крепостными стенами'.

Конструкция *lǎ* А Х (В) ('используя А, осуществлять (В)') довольно многозначна. В зависимости как от значения своего объекта, так и от значения главного предиката предложения *lǎ* А может переводиться и как 'при помощи А' (以刀切 *lǎ tāw shīt /yǐ dāo qiè/* 'резать ножом'; ср. также с предикатами 'давания': 堯以天下與舜 *yēw lǎ thīn ghrá la lǎwənh /Yáo yǐ tiān xià yǔ Shùn/* 'Яо одарил Поднебесной Шуня' = 'Яо отдал Поднебесную Шуню'), и как 'об А', 'относительно А' (以父告母 *lǎ ba kuh mā /yǐ fù gào mǔ/* 'рассказать матери об отце'), и как 'по причине А', 'на основании А' (以王命討之 *lǎ whaŋ mreŋh thǔ tǎ /yǐ wáng mìng tǎo zhǐ/* 'Их наказали по приказу царя') и т. п. О значении *lǎ* в конструкции *lǎ* А *waj* В см. выше.

В архаическом Д.я. слово *lǎ?* (> *lǎ*) */yǐ/* имело еще только знаменательное значение 'брат, вести' (> 'вводить', 'использовать'). В функции служебного глагола оно начало использоваться только в раннем доклассическом языке, некоторое время конкурируя с синонимичным глаголом 用 *loŋh /yòng/* 'использовать'. В классическом языке 用 *loŋh* почти целиком уступает свои позиции *lǎ*, но, начиная с постклассического периода, вновь начинает его вытеснять;

2) 由 *Lu /yóu/* 'следовать'. Ср. в самостоятельном употреблении: 行不由徑 *grāŋ, pə Lu kēŋh /xíng, bù yóu jìng/* 'Когда (он) ходит, никогда не следует по кратчайшей дороге'.

Конструкция *Lu* А Х (В) в качестве первичного имеет значение 'следуя из / исходя из А, делать (В)'. Направительное значение 由 *Lu /yóu/*, по мере его эволюции в сторону служебного глагола в классический период, трансформируется в причинное — 'из-за', 'в соответствии с'. К концу классического периода в таких же значениях начинает встречаться и синонимичный служебный глагол 從 *zhjəŋ /cóng/* (также восходящий к знаменательному слову со значением 'следовать', 'дви-

гаться вдоль);

3) 自 *zìc /zì/* 'двигаться из, от' (встречается уже в древнейших текстах). Ср. в самостоятельном употреблении: 奚自 *ghē zìc /xī zì/* 'Откуда (ты)?'. Конструкция *zìc* А Х (В) имеет либо буквальное направительное значение 'из А двигаться в В', либо переносные — 'начиная с А, делать (В); от (из рук) А получать (В)' и т. п.;

4) 於 *ʔa /yú/* 'находиться в'. Ср. в самостоятельном употреблении: 禹八年於外 *Wá prēt nhīn ʔa ɳwāc /Yú bā nián yú wài/* 'Юй восемь лет был вне (дома)'.

Конструкция *ʔa* А Х (В) (или Х (В) *ʔa* А; *ʔa*, в отличие от других «предлогов», чаще следует за главным предикатом, чем предшествует ему) чаще всего обозначает 'делать (В) / находиться в А', 'занимать какую-л. позицию по отношению к А'. Кроме того, 於 используется при предикатах со значением 'давания' (與刀於父 *la tāw ʔa ba /yǔ dāo yú fù/* '(Он) дал нож, (и тот) находится у отца' = 'Он дал нож отцу'); в сравнительной конструкции (莫強焉 *māk ghaŋ ʔan /mò qiáng yān/* 'никто не силен по отношению к нему' = 'Нет никого сильнее его'); а также для введения инструментального дополнения в пассивной диатезе (при экзоактивных предикатах), ср. 弑於臣 *ʔak ʔa ghin /shì yú chén/* 'быть убитым (своими) подданными'.

Высокая частотность данного «предлога» в классических текстах обуславливает целый ряд морфемных стяжений с его участием. Так, сочетание слов ... 之於 ... *tə + ʔa* стягивается в 諸 *ta /zhū/*, а вместо сочетания ... 於之 ... *ʔa + tə* в текстах обычно обнаруживается слитная форма 焉 *ʔan /yān/* (конечный элемент *-n*, по-видимому, восходит к какой-то старой указательной основе, не сохранившейся в независимом употреблении).

В архаическом Д.я. большинство функций, в классическом Д.я. присущих 於 *ʔa*, выполнял служебный предикат 于 *wa /yú/* (вплоть до образования «стянутой» формы 爰 *wan*, совершенно аналогичной классической 焉 *ʔan*). В конце доклассического периода *wa* и *ʔa* начинают конкурировать, и *wa* постепенно вытесняется (хотя в отдельных диалектах классического языка, таких, как диалект исторической летописи «Цзо чжуань», они сосуществуют, а в «южных» диалектах вплоть до поздниханьского периода употребительным остается его фонетический вариант 乎 *wā /hú/*);

5) 爲 *wajh /wèi/* 'быть за кого-л., действовать ради кого-л./чего-л.'. Ср. в самостоятельном употреблении: 夫子爲衛君乎 *pa cə wajh Wrač kwən wā /fū zǐ wèi Wèi jūn hú/* 'Учитель на стороне правителя Вэй?' Служебная конструкция *wajh* А Х (В), соответственно, обозначает 'для / ради А делать (В)'. Этимологически 爲 *wajh* — это производное от 爲

waj /wéi/ 'делать' (см. выше), но в текстах оно появляется несколько позже (насколько можно судить из анализа синтаксических контекстов, т. к. и производная, и производящая лексема всегда записываются одним и тем же иероглифом) — в классический период;

б) 與 *lá /yǔ/* 'быть вместе с кем-л.'. Ср. в самостоятельном употреблении: 孰能與之 *duk nā lá tā /shú néng yǔ zhī/* 'Кто может быть вместе с ним?'. Служебная конструкция *lá* А Х (В) означает '(вместе) с А делать (В)'; если при этом в предложении не опущен субъект, предикат 與 *lá /yǔ/* оказывается выполняющим функцию сочинительного союза (см. 2.3.7.a).

В большинстве конструкций с «предлогами» там, где их непосредственным объектом является местоимение 3-го л. 之 *tā /zhī/*, оно в обязательном порядке опускается (ср. в приведенной выше фразе: ... 以爲城 *lá waj den* 'из-за этого станут стенами' = *lá tā waj den*), что иногда приводит к частичной синтаксической омонимии: так, последовательность лексем 我以知之 *nhāj lá tre tā /wǒ yǐ zhī zhī/* может представлять собой как самостоятельное предложение ('я поэтому это знаю', где 以 *lá* — регулярный эллипсис сочетания *以之 *lá tā* 'с помощью этого, благодаря этому'), так и первую часть сложной фразы ('из-за того, что я это знаю...', где 以 *lá* управляет объектной группой 知之 *tre tā* 'знаю это, знание-этого').

В свою очередь, конструкции с «предлогами», управляющими нулевым объектом, такие, как 以 Х (В) 'с помощью / из-за этого делать что-л.' и 與 Х (В) 'вместе (с ним / с ними) делать что-л.', могут служить основой для трансформации, в ходе которой подчинение всей конструкции служебному предикату 所 *srá /suǒ/* превращает ее в именную группу, имеющую релятивное значение: 所以 Х (В) = 'то, с помощью чего / из-за чего что-л. делают'; 所與 Х (В) = 'тот / те, (вместе) с кем что-л. делают'.

Еще одно свойство этих конструкций заключается в том, что, будучи управляемы «экзоактивными» модальными предикатами (см. Б.1), они не меняют своего значения на пассивное. Ср.: 十世可知 *gip lač khāj tre /shí shì kě zhī/* 'десять поколений можно познать' (предикат 知 *tre* имеет пассивное значение), но 可以知人之性 *khāj lá tre nin tā seŋh* 'можно (через это) познать природу человека' (глагол 知 *tre* предшествует «предлог» 以 *lá* с нулевым объектом, в результате чего 知 *tre* функционирует как активный предикат, управляя объектом 人之性 *nin tā seŋh* 'природа человека').

Теоретически допустимы любые комбинации «экзоактивных» модальных предикатов с «предлогами», но реально в текстах зафик-

сировано лишь несколько; самые частотные — 可以 *khāj lá /kě yǐ* 'можно (с помощью этого / из-за этого / благодаря этому)', 可與 *khāj lá /kě yǐ* 'можно (вместе с ним / ними)', 易以 *leh lá /yì yǐ* 'легко (с помощью этого)', 足以 *cok lá /zú yǐ* 'достаточно (из-за этого); достаточно, чтобы...!'. Из сочетания 可以 *khāj lá /kě yǐ* впоследствии сложился единый неразложимый предикат 'можно, дозволено', вытеснивший простое 可 *khāj* и сохранившийся в этом виде вплоть до современности.

Относительно возможных синтаксических интерпретаций конструкций с глаголами-«предлогами» см. раздел 2.5.3.

2.5.0. Морфо-синтаксические сведения.

2.5.1. В самом общем случае древнекитайская словоформа состоит из неразложимого односложного корня, подчиняющегося строгой системе фонотактических ограничений. Грамматические морфемы, статус которых можно однозначно определить как префиксальный или суффиксальный, чрезвычайно немногочисленны.

Данные внешнего сравнения и внутренней реконструкции позволяют предположить, что на «протокитайском» уровне Д.я. еще обладал довольно богатой системой словообразовательных аффиксов, но уже в классический период эта система утратила последние следы продуктивности, а к началу позднедревнекитайского периода, вследствие фонетических изменений (таких, как слияние инфикса *-r-* с предшествующей инициальной в единую ретрофлексную фонему, или отпадение суффикса *-h* с развитием на его месте падающего тона), даже «окаменевшие» следы ее перестали поддаваться непосредственному наблюдению.

Вопрос о наличии в Д.я. композитных (двухкорневых и более) словоформ сложен и не имеет однозначного решения (см. 2.2.1). Тем не менее, по мере вымывания из Д.я. последних остатков синтетической морфологии роль идиоматических «сращений» двух значимых морфем в единый смысловой комплекс неуклонно возрастает; по крайней мере для постклассического Д.я. уже можно с уверенностью говорить о возникновении категории «сложных глаголов», образованных путем соположения двух синонимичных морфем (напр., 歡喜 *hwān-há /huān-xǐ* 'радоваться'), а также о начальном этапе развития «новой суффиксации», характерной для современного языка — использовании таких знаменательных слов, как 子 *cá /zǐ* 'ребенок' и 頭 *dhwā /tóu* 'голова', в качестве суффиксов, уточняющих именное значение предыдущей морфемы.

2.5.2. О «реликтовом» способе словообразования в классическом Д.я. с помощью суффикса *-h* (← *-s) см. 2.3.1. Помимо этого, анализ небольшого количества прозрачных минимальных пар дает возможность выделять в качестве архаичных средств

словообразования также следующие:

а) инфикс *-r-*, встречающийся в предикатах с каузативным значением, ср. 出 *thwət /chū/* 'выходить' : 黜 *thrwət /chù/* 'выводить, изгонять'; 至 *tić /zhì/* 'доходить, достигать' : 致 *trić /zhì/* 'доводить, доставлять';

б) префикс *s-*, обычно образующий предикаты от имен, ср. 墨 *māk* 'тушь' : 墨 *māk* ($\leftarrow s\text{-}māk$) 'черный'; 林 *rəm* 'лес' : 森 *s-rəm* 'быть густым, непроходимым' (о растительности; именное значение 'чаща' у этого слова вторично);

в) префикс с неизвестной артикуляцией (восстанавливается У. Бэкстером как звонкий ларингал $*h-$, Л. Сагаром — как носовой $*N-$), превращающий переходный предикат в непереходный; в классическом Д.я. реализуется как морфонологическое чередование по глухости/звонкости начального согласного (см. 2.2.3).

2.5.3. Минимальная базисная структура простого предложения в Д.я. — SP (субъект — предикат), хотя субъект может иногда подвергаться эллипсису. В такой структуре субъект всегда играет логическую роль пациенса. Простое предложение может быть расширено за счет введения объекта: SPO. В такой структуре субъект также может быть логическим пациенсом (если предикат эндоактивен); в таком случае объект является логическим сирконстантом. Если же предикат экзоактивен, то в структуре SPO логическим пациенсом становится объект, а субъект — логическим агенсом. Ср.:

軍破 *kwən phājh /jūn pò/* 'армия разбита' (SP, пациенс — характеристика);

將破軍 *caŋ phājh kwən /jiāng pò jūn/* 'полководец разбил армию' (SPO, агенс — действие — пациенс);

人死 *nin sij /rén sǐ/* 'человек умер' (SP, пациенс — характеристика);

人死國 *nin sij kwāk /rén sǐ guó/* 'человек умер за страну' (SPO, пациенс — характеристика — сирконстант).

Тип соотношения между актантами в такой системе можно охарактеризовать как «квазиэргативный» (пациенс выражается субъектом при эндоактивных предикатах и объектом при экзоактивных; агенс выражается только субъектом при экзоактивных предикатах). Однако о настоящей эргативности говорить не приходится ввиду полного отсутствия падежей и согласования.

Для поэтической речи и «высокого стиля» вообще, в том случае, если предикат выражен экзоактивным словом, обозначающим признак или состояние (т. е. обладает адъективной характеристикой), допустима и широко практикуется инверсия — перенос субъекта в позицию объекта; предикат при этом обычно подвергается эмфатической редупликации. Ср.: 灼灼其華 *teuk teuk gə w̄rā /zhuó zhuó qí huā/* 'яркие-яркие

его (*дерева*) цветы' (при этом вполне допустим и прямой порядок: *gə yrā teuk teuk*). Экзоактивные предикаты, обозначающие активное действие, и эндоактивные предикаты этим свойством не обладают.

Всякий член простого предложения может получать определение. Определение всегда непосредственно предшествует определяемому.

Характерная особенность синтаксиса простого предложения в классическом Д. я. — отсутствие предложных дополнений. Если логическая структура высказывания требует второго дополнения, оно вводится посредством вспомогательного глагола, находящегося в сочинительной связи с главным предикатом, ср.: 王何以戈擊之 *whān ghāj lá kwāj kēk tə / Wáng Hé yǐ gē jí zhī* 'Ван Хэ ударил его алебардой' (букв. '...использовал алебарду (и) ударил его'). О наиболее часто используемых в этих целях служебных глаголах см. выше.

Эта черта, однако, преимущественно характеризует синтаксис классического Д.я. В постклассическом языке рассматриваемые вспомогательные глаголы полностью утратили возможность самостоятельного употребления и превратились в настоящие предлоги.

Помимо этого, уже в архаическом Д.я. ряд предикатов допускал возможность сочетания с двумя беспредложными дополнениями; в классическом языке количество таких предикатов еще очень строго ограничено, но, начиная с периода Хань, стремительно возрастает (впрочем, происходит это скорее в литературном языке из-за стремления к лаконизации). Соответствующие предикаты по своим синтаксическим свойствам делятся на две группы:

а) бенефактивные и коммуникативные глаголы ('давать кому-л. что-л.', 'сообщать кому-л. что-л.'). Обязательным (неопускаемым) дополнением для них является логический пациенс ситуации: 與刀 *lá tāw / yǐ dāo* 'отдать меч', 告亂 *kūh rwānh / gào luàn* 'доложить о смуте', факультативным (опускаемым) — косвенный адресат (бенефактив): 與臣刀 *lá ghin tāw / yǐ chén dāo* 'отдать слуге меч', 告王亂 *kūh whān rwānh / gào wáng luàn* 'доложить правителю о смуте'. Впрочем, в классическом Д.я. такие конструкции встречаются относительно редко, т. к. провоцируют синтаксическую омонимию (так, соответствующие синтагмы могут быть истолкованы и как 'отдать меч слуги' / 'доложить о смуте правителя'), и в подавляющем большинстве случаев в позиции факультативного дополнения обнаруживается анафорическое местоимение 3-го л.: 與之刀 *lá tə tāw / yǐ zhī dāo* 'отдать ему меч', 告之亂 *kūh tə rwānh / gào zhī luàn* 'доложить ему о смуте' (здесь синтаксической омонимии уже не возникает, поскольку атрибутивная форма местоимения 3-го л. — не 之 *tə*, а 其 *gə*; 'отдать его меч' должно выражаться на Д.я. как 與其刀 *lá gə tāw / yǐ qí dāo*). Там же, где необходимо упомянуть всех трех актантов ситуации без анафоры, обычно

используется конструкция со служебным предикатом 於 *ʔa*: 與刀於臣 *lá tāw ʔa ghin /yǔ dāo yú chén/* 'отдать слуге меч', 告亂於王 *kūh rwānh ʔa whaŋ /gào luàn yú wáng/*;

б) глаголы, выражающие идею помещения или перемещения кого.-л./чего-л. на какое-л. место ('ставить', 'класть', 'бросать' и т. п.). Здесь обязательным (неопускаемым) актантом является логический объект перемещения, а факультативным (опускаемым) — директив (место финальной дислокации объекта). И в этом случае, однако, первый (позиционно) из двух актантов чаще всего выражается местоимением 3-го л.: 置之地 *trəh tə ʔhajh* 'поставить его на землю', 寢之床 *shim tə zraŋ* 'положить его на кровать' и т. п.; там, где оба актанта должны быть выражены эксплицитно, опять-таки употребляется сложная конструкция с вспомогательным предикатом 於 *ʔa*.

В простом предложении классического Д. я. можно выделить следующие синтаксические отношения:

1) субъектное, связывающее субъект с предикатом. Это отношение маркируется только порядком слов: субъект всегда предшествует предикату. Ср.: 鳥飛 *tīw pəj /niǎo fēi/* 'птица летит'; 軍破 *kwən phājh /jūn pò/* 'армия разбита';

2) объектное, связывающее объект с предикатом. Это отношение также маркируется порядком: объект всегда (за исключением некоторых случаев, оговоренных ниже) следует за предикатом. Ср.: 鳥飛天 *tīw pəj thīn /niǎo fēi tiān/* 'Птица летит по небу'; 蠻破軍 *mrān phājh kwən /mán pò jūn/* 'Варвары разбили армию';

3) предикативно-атрибутивное, связывающее определение, являющееся логическим предикатом определяемого, с определяемым. Это отношение также маркируется только порядком: определение предшествует определяемому. Ср. 飛鳥 *pəj tīw /fēi niǎo/* 'летающая птица'; 破軍 *phājh kwən /pò jūn/* 'разбитая армия'; 日讀 *nit lōk /rì dú/* 'ежедневно читать / ежедневное чтение';

4) посессивно-атрибутивное, также связывающее определение с определяемым. Это отношение чаще всего маркируется показателем 之 *tə /zhī/*, стоящим между определением и определяемым словом, хотя во многих случаях (особенно если ни определение, ни определяемое слово не присоединяют в составе фразы никаких других зависимых слов) этот показатель разрешается опускать. Ср. 王宮 *whaŋ kuŋ /wáng gōng/* 'царский дворец'; 王之宮 *whaŋ tə kuŋ /wáng zhī gōng/* 'то же'; 國之富 *kwāk tə pəh /guó zhī fù/* 'богатство страны'.

Данное отношение можно считать своеобразной трансформацией служебного глагола 有 *whá /yǒu/* (см. выше), поскольку определение в такой синтагме может иметь любое из значений, присущих субъекту

этого глагола. То, что за этой гипотезой может стоять определенная историческая подоплека, доказывается наличием в раннедревнекитайском, наряду с описанными конструкциями, и ряда устойчивых синтагм с посессивным значением, где вместо 之 *tə* обнаруживается как раз глагол 有 *whá /yǒu/*: ср. 我有周 *nháj whá Tu* 'наше (царство) Чжоу', букв. 'наше-имение-Чжоу' (сочетание часто выступает в текстах именно как именная группа, а не как предикативная 'мы имеем Чжоу');

5) актантно-атрибутивное, также связывающее определение с определяемым. Это отношение можно определить как трансформацию субъектного отношения, при которой предикат предложения становится его субъектом, а субъект — определением. Оно также обычно маркируется показателем 之 *tə /zhī/*. Ср. 鳥之飛 *tīw tə pəj /niǎo zhī fēi/* 'полет птицы'; 軍之破 *kwən tə phājh /jūn zhī pò/* 'то, что армия разбита; разгром армии'; 蠻之破軍 *mrān tə phājh kwən /mán zhī pò jūn/* 'то, что варвары разгромили армию; разгром армии варварами';

6) актантно-сочинительное, связывающее два однородных актанта. Обычно выражается простым соположением актантов, но в отдельных случаях маркируется показателем 與 *lá /yǔ/* (в доклассических и ранних классических памятниках — 及 *gəp /jí/*). Ср. 山野 *srān liá /shān yě/* 'горы и поля'; 余與汝 *Ła lá nhá /yú yǔ rǔ/* 'я и ты';

7) предикативно-сочинительное, связывающее два однородных предиката. Чаще всего маркируется показателем 而 *nə /ér/*, который, однако, в классическом Д.я. выражает не столько простое значение конъюнкции, сколько противительное значение 'а, но'. Ср.: 行不由徑 *grāj pə Łu kējh /xíng bù yóu jìng/* 'Ходит и не следует по кратчайшей дороге'; 行而不由徑 *grāj nə pə Łu kējh /xíng ér bù yóu jìng/* 'ходит и (но) не следует по кратчайшей дороге'.

Порядок слов в Д.я. жесткий: субъект предшествует предикату, а объект следует за ним; определение предшествует определяемому. Важные отклонения от общего правила:

1) постановка объекта, выраженного личным местоимением, между отрицательным словом и предикатом в отрицательных предложениях (人見我 *nin kēnh nháj /rén jiàn wǒ/* 'Люди видят меня'; 人不我見 *nin pə nháj kēnh /rén bù wǒ jiàn/* 'Люди не видят меня'; 或知之 *whāk tre tə /huò zhī zhī/* 'Кто-то знает это'; 莫之知 *māk tə tre /mò zhī zhī/* 'Никто этого не знает' и т. п.);

2) постановка объекта, выраженного вопросительным местоимением, перед предикатом (人何見 *nin ghāj kēnh /rén hé jiàn/* 'Что видят люди?');

3) постановка объекта перед предикатом в предикативной группе,

которая сама управляется служебным глаголом 有 *whá /yǒu/* или 無 *ma /wú/* (上無道揆也 *danḡ ma lhú gwij lhiáj /shàng wú dào kuí yě/* 'У правителя нет пути, которому он следует'). В последнем случае возможен и нормальный порядок слов, но тогда предложение 上無揆道 *danḡ ma gwij lhú /shàng wú kuí dào/* будет значить 'Среди правителей нет таких, которые следуют пути'. Здесь, таким образом, порядок слов в объектной группе указывает на различие в значениях слова *whá (ma)* ('(не) иметь' vs. '(не) существовать').

Если объектом является слово с определением, выраженным вопросительным местоимением, вся эта группа также ставится перед предикатом. При этом после вопросительной группы ставится еще частица 之 *tə /zhī/*, маркирующая здесь, таким образом, объектную связь: 王何卿之問也 *whan ghāj khraṅ tə mənḡ lhiáj /wáng hé qīng zhī wén yě/* 'О каком министре спрашивает царь?'; 宋何罪之有 *sūnḡ ghāj zhwāj tə whá /Sòng hé zuì zhī yǒu/* 'Какова вина (государства) Сун?'.
Порядок следования сочиненных членов предложения произвольный; отметим, однако, что служебные глаголы со своими объектами обычно ставятся перед знаменательными (исключение — служебный глагол 於 *ʔa /yú/*, обычно ставящийся после знаменательного).

В конце предложения могут стоять конечные частицы (也 *lhiáj /yě/*, 夫 *ba /fú/*, 乎 *wā /hú/*, 耳 *nhə /ér/*, 矣 *há /yǐ/*, 哉 *cā /zāi/* — см. выше).

Всякое предложение может включаться целиком в состав другого предложения на правах его субъекта или объекта (при этом включенное предложение часто выступает формально как определение к относительному местоимению 者 *tiá /zhě/*, которое, однако, может и опускаться). Субъектная связь во включенном предложении в таком случае может (но не обязана) измениться на атрибутивную. Ср.: 吾見師(之)出 *nhā kēnh srij (tə) thwət /wú jiàn shī (zhī) chū/* 'Я видел армии выход' = 'Я видел, как армия вышла (из ворот)' и т. п.

2.5.4. Сложное предложение в Д.я. довольно трудно отличить от последовательности двух простых клауз; это особенно характерно для условных высказываний. Ср. 人不學, 不知道 *nin pə ghrūk, pə tre lhú /rén bù xué, bù zhī dào/* 'Если человек не учится, он не знает истины' (= 'Человек не учится. Он не знает истины').

Собственно сложными можно назвать, по-видимому, лишь предложения с союзами (см. выше), среди которых можно выделить четыре основных типа (временные — с 及 *gəp /jí/*; условные — с 如 *na /rú/*, 若 *nak /ruò/*; условно-предположительные — с 使 *srá /shǐ/*; и уступительные — с 雖 *shwəj /suī/*). К сложным нужно причислить также предложения, сказуемые которых соединены сочинительным показателем 而 *nə /ér/*, но субъекты не совпадают: 雞初鳴而衣服 *kē*

chra mreŋ nā ʔəjh bək /jī chū míng ér yì fú/ 'Когда петухи пели в первый раз, он одевался'.

Особый случай — это предложения с вынесенной вперед темой, которую можно рассматривать как своего рода «тематическое придаточное». Возможны следующие типы тематического придаточного:

1) тематическое придаточное, совпадающее с подлежащим. Оно может быть «нулевым», т. е. никак не маркироваться; может маркироваться конечной частицей 也 *liáj /yě/* (обслуживающей как тему, так и рему); наконец, может маркироваться служебными глаголами 若 *nak /ruò/*, 雖 *shwaj /suī/*, 唯 *wij /wéi/* (см. выше), вносящими дополнительные модификации в значение предложения;

2) тематическое придаточное, не совпадающее с подлежащим. Оно выносится вперед и ставится перед подлежащим, при этом также может маркироваться (всеми вышеупомянутыми способами), а может не маркироваться. Часто в качестве тематического придаточного выступают слова со значением времени (今 *kəm /jīn/* 'сейчас', 昔 *siak /xí/* 'когда-то' и т. п.) или места. Если в качестве тематического придаточного выступает целое предложение, то формально предикат его становится субъектом, а субъект — атрибутом (с переводом субъектной связи в атрибутивную 2 или 3): 女子之嫁也, 母命之 *nrá cá tə krāh liáj, mǎ mreŋh tə /nǎ zǐ zhī jiā yě, mǔ mìng zhī/* 'Когда девушка выходит замуж, мать наставляет ее'. Если тематическое придаточное совпадает с объектом предложения, то сам этот объект в главном (тематическом) предложении заменяется местоимением 3 л.: 秦國天下莫強焉 *zin kwāk thīn ghrā māk ghaŋ ʔan /Qín guó, tiān xià mò qiáng yān/* 'Княжество Цинь — в Поднебесной нет его сильнее'.

Из сказанного выше видно, что отличительная особенность тематического придаточного в Д.я. — наличие нулевого предиката, лишь в редких случаях заменяемого на ненулевые 若 *nak /ruò/*, 雖 *shwaj /suī/*, или 唯 *wij /wéi/* (см. выше). Это резко отличает его от прочих видов придаточных предложений.

2.6.0. Основу как базисной, так и культурной лексики Д.я. составляют слова исконного (сино-тибетского) происхождения; в сино-логической литературе насчитывается более тысячи убедительных сопоставлений корневых морфем Д.я. с регулярно соответствующими им морфемами в тибето-бирманских языках. В сфере базисной лексики можно указать на такие слова, как 名 *mheŋ /míng/* 'имя' (тиб. *miŋ*, бирм. *maí*, качин. *mjiŋ*), 火 *mǎ j /huǒ/* 'огонь' (тиб. *te*, бирм. *mih*, лушей *mei*), 水 *twáj /shuǐ/* 'вода' (лушей *tui*), 日 *ni-t /rì/* 'солнце, день' (тиб. *ni*, бирм. *nij*, лушей *ni*), 目 *muk /mù/* 'глаз' (тиб. *miŋ*, бирм. *mjak*, качин. *mji?*, лепча *mik*), 耳 *nhó /ěr/* 'ухо' (тиб. *r-na*, бирм. *na-h*, качин. *na*), 舌 *lat /shé/*

'язык' (качин. *šij-let*), 邇 *né /ér/* 'близкий' (тиб. *ne*, бирм. *ni-h*, качин. *ni*), 苦 *khá* 'горький' (тиб. *kha*, бирм. *khah*, лушей *kha*), 隻 *tek* 'один (из двух), единственный' (тиб. *g-číg*, бирм. *tač* 'один'), 二 *nič /èr/* 'два' (тиб. *g-ni-s*, бирм. *h-na-č*, качин. *ni*), 三 *sām* 'три' (тиб. *g-sum*, бирм. *sum-h*, качин. *mə-sum*), 殺 *srāt /shā/* 'убивать' (тиб. *g-sod*, бирм. *sat*, качин. *gə-sat*), 死 *sij /si/* 'убивать' (тиб. *si*, бирм. *sij*, качин. *si*), 葉 *lap /yè/* 'лист' (тиб. *ldeb*, качин. *lap*) и многие другие. Хорошо этимологизируется на сино-тибетской почве и большой пласт культурной лексики Д.я., однако генетическое родство его с тибето-бирманскими языками убедительнее всего демонстрируется именно базовым лексическим фондом.

Вместе с тем прогресс в реконструкции Д. фонетики, равно как и в синхроническом и диахроническом изучении языковых семей Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, показывает, что достаточно большой пласт лексики Д.я., не имея никаких убедительных этимологических привязок к тибето-бирманским языкам, может представлять собой заимствования из каких-то древних языков, принадлежавших к этим семьям. Прогресс в этой области серьезно тормозится вследствие того, что общий уровень исторической изученности языков дальневосточного и юговосточноазиатского регионов намного ниже, чем уровень изученности Д.я. Тем не менее, на сегодняшний день достаточно хорошо обоснованы и разработаны гипотезы о языковых контактах Д.я., в ходе которых последний выступал рецептором, как минимум со следующими языковыми семьями:

а) *австроазиатской*, точнее — мон-кхмерской ветвью австроазиатской семьи. Этот слой иноязычных элементов в Д.я. наиболее многочисленен и отражает очень древние контакты. К потенциальным мон-кхмеризмам в Д.я. относятся названия природных объектов (望 *maŋ /wáng/* 'полная луна' < ПМК *məŋ 'луна'), животных (虎 *h(l)á /hǔ/* 'тигр' < ПМК *kla), артефактов (帽 *mūh /mào/* 'шапка' < ПМК *mVk; 簾 *rǒ /lǒu/* 'вид корзины' < ПМК *roh, *ruh), отдельные глаголы (伐 *bat /fá/* 'рубить' < ПМК **ba:t*, 躡 *dāp /tà/* 'ступать, топтать' < ПМК *dip) и многие другие слова;

б) *австронезийской*: несмотря на то, что в материковой части Китая австронезийские языки сегодня не распространены (прародиной и исходной точкой массового расселения австронезийцев обычно считается о. Тайвань), присутствие австронезийского этнического слоя в Северном Китае не позднее II тыс. до н. э. можно предполагать на основании небольшой группы потенциальных «австронезизмов» уже в древнейших памятниках Д.я. Ср., в частности, такие случаи, как 米 *mhǐj /mǐ/* 'рис' = ПАН *ʔimay id.; 鹵 *rhá /lǔ/* 'соль' = ПАН *SiRaH id.; 簾 *lǐm* 'бамбуковая циновка' = ПАН *tiləm 'циновка'; 閉 *pīt /bi/* 'закрывать'

= ПАН *kupit id.;

в) *мяо-яо* и *тай-кадайской*: контакты с этими южными соседями, по-видимому, были довольно ограничены, т. к. эксклюзивные (и при том убедительные) контактные изоглоссы между Д.я. и этими семьями (т. е. таких, которые не имели бы фонетически и семантически схожих параллелей с соответствующими формами в австронезийских или австроазиатских языках, откуда последние также могли быть заимствованы в Д.я.) исчисляются единицами. Типичный пример заимствования из мяо-яо — 餉 *náŋ* /xiǎng/ 'приносить еду (в поле)' = мяо *ŋon* 'вареный рис', бяо *ŋaŋ* и др.; из тай-кадайских — 廬 *dran* /chán/ 'поместье, усадьба' = тайск. *rian*, пракам-суй **hra:n* 'дом'.

г) *алтайской*: из-за серьезных типологических расхождений между изолирующими моносиллабическими языками Юго-Восточной Азии и агглютинативными языками алтайской семьи китайско-алтайские связи, как правило, до недавнего времени оказывались недооцененными. Сегодня, однако, не подлежит сомнению, что по крайней мере несколько языков северных соседей китайского этноса, родственных современным языкам алтайской макросемьи (корейскому, тунгусо-маньчжурским, монгольским), служили для Д.я. лексическими донорами начиная уже с архаической эпохи. Ср. следующие примеры: 兔 *thāh* (← *thāks*) /tù/ 'заяц' : пракорейск. *thóski id., пратунг.-маньчж. **tuksa-* 'бежать; заяц'; 敵 *dhēk* /dí/ 'враг' : пракорейск. *tōi 'варвар', праяпон. *(*d*)*ikù-sá* 'война, воин', пратюрк. *jagi 'враг'; 客 *kè* /khrāk 'гость' : праяпон. *kàtā-ki 'враг', тюрк. **Kar-* 'напротив', монг. **kar-* 'чужой, иностранный'; 麥 *mrāk* /mài/ 'пшеница' : корейск. *mírh id., пратунг.-маньчж. *murgi 'ячмень'; 農 *nūŋ* /nóng/ 'земледелие' = корейск. *nón 'рисовое поле', праяпон. *nùā 'поле' и др.

В целом вопрос о стратификации лексических слоев Д.я. сегодня находится лишь на начальном этапе своего решения; дальнейшие прорывы в области этимологизации китайского словарного состава будут напрямую зависеть от успехов в области праязыковой реконструкции для перечисленных выше семей.

2.7.0. Общие сведения о диалектном членении Д.я. на разных этапах его развития приведены выше (раздел 1.2.1).